
Мари Лео
Пока ты меня
НЕНАВИДИШЬ
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мари Лео

Пока ты меня ненавидишь

«Автор»
2026

Лео М.

Пока ты меня ненавидишь / М. Лео — «Автор», 2026

Восемь лет назад мы любили друг друга. А потом возненавидели.Я считала, что Александр Вольский предал меня ради денег и власти. Он был уверен, что я продала нашу любовь за красивую жизнь. Мы расстались, так и не узнав правды.Восемь лет спустя судьба снова свела нас. Теперь он — влиятельный, холодный и властный бизнесмен, а я — архитектор, которой предстоит десять месяцев работать над его новым проектом.Десять месяцев рядом с мужчиной, которого я поклялась забыть. Десять месяцев колких слов, опасных взглядов, ревности и чувств, которые всё ещё живы.Но что, если восемь лет назад нас разлучила не измена, а чужая ложь?Сможем ли мы простить друг друга, когда правда наконец выйдет наружу? И хватит ли нам смелости начать всё сначала?Иногда самое сильное чувство прячется за словами «я тебя ненавижу».Второй шанс, властный герой, сильная героиня, тайны прошлого, страсть и счастливый финал.

© Лео М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Возвращение 5
Глава 1. Человек из прошлого 5
Глава 2. Десять месяцев рядом 12
Глава 3. Новые правила 18
Глава 4. Слишком близко 23
Глава 5. Чужой мужчина 29
Глава 6. То, что осталось 34
Часть II. Опасная близость 38
Глава 7. Сделка 38
Глава 8. Не называй меня своей 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Пока ты меня ненавидишь

Часть I. Возвращение

Глава 1. Человек из прошлого

Алиса

Поезд из Вены пришёл в Вереск на сорок минут позже расписания, и Алиса Миронова решила считать это знаком. Не дурным и не добрым, просто знаком: город не торопился её встречать.

Она вышла на перрон с одним чемоданом и кожаной папкой. Дождь шёл мелкий, косой, упрямый, из тех, что не падают, а висят в воздухе, пока не пропитают всё. Фонари вокзала расплывались жёлтыми пятнами. Пахло мокрым камнем, углём из старых вентиляционных решёток и чем-то ещё, чему она не сразу подобрала имя. Потом поняла: рекой. Вереск всегда пах рекой, даже в самых дальних кварталах.

«Восемь лет, — подумала она. — И первое, что ты узнаёшь, это запах».

Она поправила ремень сумки на плече и пошла к выходу, не оглядываясь по сторонам. Эту привычку Алиса выработала давно: идти так, будто знаешь, куда идёшь, даже если не знаешь. Особенно если не знаешь.

У здания вокзала её ждал водитель с табличкой «А. Миронова». Табличка была аккуратная, напечатанная, без логотипа.

— Госпожа Миронова? Меня прислали из VOLS Group.

Алиса остановилась.

— Я не просила машину.

— Это входит в условия контракта, — вежливо ответил он и уже тянулся к чемодану. — Отель забронирован, встреча в «Белой розе» назначена на девять утра.

— А сейчас одиннадцать вечера.

— Именно поэтому машина.

Она хотела отказаться. Просто чтобы отказаться: из принципа, из желания хоть что-то решить самой в городе, где решали за неё. Но дождь усилился, чемодан был тяжёлым, а гордость, как она давно поняла, плохо согревает.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Но маршрут выберу я.

Водитель, кажется, не понял. Она тоже не была уверена, что поняла себя.

Машина тронулась. Вереск проплывал за окном лентой мокрого света: набережная с чугунными фонарями, мост Трёх Сестёр, рекламные щиты там, где раньше стояли афишные тумбы. Город изменился, но не до неузнаваемости, как человек, сделавший дорогую стрижку и оставшийся собой.

— Поверните на Старую набережную, — сказала она.

— Это крюк.

— Знаю.

Он молча повернул.

Алиса прижалась лбом к холодному стеклу. Где-то здесь, в третьем доме от поворота, была кофейня с зелёным навесом. Они сидели там в январе, когда ударил мороз. Он снял перчатки и грел её пальцы в своих ладонях, а она смеялась, потому что у человека с тремя телефонами и отцовской фамилией на каждом втором здании города руки оказались совсем детскими: тёплыми, чуть неловкими.

Кофейни не было. На её месте светилась витрина магазина дорогих часов.

«Прекрасно, — сказала она себе. — Начинаем с чистого листа».

Она знала, зачем приехала. Репетировала ответ много раз, в самолётах, в чужих гостиницах, ночами над чертежами, когда не спалось. Вереск предложил ей то, чего не предлагал ни один город в Европе: «Белую розу». Особняк конца девятнадцатого века, построенный для семьи банкиров, с мраморной лестницей, витражным куполом и садом, который пережил две войны и сто лет забвения. Пятизвёздочный отель. Десять месяцев работы. Проект, о котором в профессиональных кругах говорили с придыханием.

Заказчик значился в договоре сухой строкой: «ООО “ВОЛС Групп”, в лице генерального директора».

Она прочла эту строку шесть раз. Потом отодвинула договор и ушла на кухню варить кофе. Потом вернулась и прочла ещё раз.

Подписывал договор не он. Внизу стояла размашистая подпись чужого человека — Даниил Орлов, доверенное лицо. Орлов. Она помнила его: смеющийся, вечно с бокалом, вечно с шуткой наготове. Лучший друг. Человек, который, возможно, знал о её существовании больше, чем ей хотелось бы.

Она могла отказаться. Коллеги, узнав, куда она едет, посмотрели бы на неё с недоумением: кто отказывается от «Белой розы»? А ещё ей было двадцать девять, и она слишком долго убегала. Она убежала из Вереска в двадцать один, зажав в кулаке остатки собственной веры в людей. Она убегала от города, от фамилии, от одного имени, которое годами не могла произнести вслух без того, чтобы горло не сжималось.

«Если я откажусь, значит, он всё ещё что-то для меня значит», — решила она тогда.

Логика была безупречной. Отчего же теперь, на заднем сиденье чужой машины, у неё так сильно мёрзли руки?

Отель оказался небольшим, тихим, с лифтом, который скрипел, как старая дверь. Алиса отдала должное тому, кто его выбирал: никакого пафоса, никакой демонстрации. Либо у помощника заказчика был хороший вкус, либо заказчик вспомнил, что она не любит блеск.

Она вытянула это «вспомнил» из мыслей и отложила в сторону, как неудачный эскиз.

В номере она сняла мокрое пальто, поставила чемодан у стены и подошла к окну. Внизу темнела улица, сверкали лужи. Она открыла папку и разложила на столе чертежи: планы этажей, обмеры, фотографии. «Белая роза» смотрела на неё со снимков пустыми глазами окон.

Было два часа ночи, когда Алиса поняла, что не спит. Она сидела на подоконнике, обхватив колени, и смотрела на дождь.

«Не думай о нём».

Это было всё равно что не думать о белом медведе.

Она не позволяла себе вспоминать подробно. Только обрывки, самые безопасные: как он однажды уснул над её курсовым проектом, положив голову на сложенные руки. Как злился на отца, но никогда не повышал голоса. Как однажды сказал ей на крыше старого дома, где они сидели и пили дешёвое вино из бумажных стаканчиков: «Алиса, я ни с кем не был таким. Ты понимаешь? Таким». И она понимала. Это было самым страшным: она понимала и верила.

А потом пришли фотографии.

Она не стала сейчас думать о фотографиях. Закрыла эту дверь, как закрывала много раз. Но дверь, как всегда, скрипнула.

Телефон завибрировал без двадцати шесть, когда она наконец заснула.

— Приехала, — сказала мать. Не вопрос. Лидия Павловна никогда не задавала вопросов, ответы на которые знала.

— Приехала. Мама, нет шести.

— Поезд опоздал.

— Откуда ты знаешь?

— По радио сказали. Диктор ещё извинялся, как будто сам виноват. — В трубке звякнула ложка о стакан. — Ела?

— В поезде.

— Что ела?

— Бутерброд.

— Это не еда. Это отсрочка. — Пауза. — Он там?

Алиса закрыла глаза.

— Кто?

— Не прикидывайся.

— Я приехала по работе, мама.

— Я не спрашиваю, зачем ты приехала. Я спрашиваю, там ли он.

— Не знаю. Узнаю в девять.

— Хорошо, — сказала мать после долгого молчания, и в этом «хорошо» было столько всего, что хватило бы на три разговора. — Надень тёплое. В Вереске в ноябре сыро.

Она повесила трубку раньше, чем дочь успела ответить. Так Лидия Павловна всегда заканчивала самые важные разговоры: чтобы никто не успел сказать лишнего.

Утро выдалось серым и холодным. Алиса встала в шесть, надела тёмно-синее платье-футляр, поверх него короткое пальто цвета мокрого песка, собрала волосы в низкий узел и накрасила губы. Один раз. Не стала смотреть в зеркало дольше положенного.

«Белая роза» стояла в конце Липовой аллеи, за чугунной оградой, облепленной мокрым плющом. Алиса вышла из такси у ворот и на секунду замерла.

Дом был красив, как красива бывает старая женщина, которая знает, что была ещё красивее. Серый камень почернел от влаги. Над входом, под козырьком, держалась лепнина в виде розовых бутонов, местами отколотая. Окна второго этажа смотрели без стёкол. Часть крыши обвалилась зимой, об этом писали в отчёте. Сад зарос.

Но стоило ей подойти ближе, как профессиональная часть её натуры проснулась и взяла верх над всем остальным. Алиса достала блокнот, на ходу делая пометки: фасад, пропорции, вероятный источник протечки в северо-западном углу. Дом был живым. Он требовал внимания, как требуют внимания только живые существа.

У ворот её окликнули:

— Вы к кому, барышня? Тут закрыто.

На лесах северного угла стоял широкоплечий немолодой мужчина в каске, рыжей от ржавчины, и смотрел на неё сверху вниз так, как смотрят на неисправный инструмент.

— К Даниилу Викторовичу. Я Миронова.

— Миронова? — Он снял каску, почесал лысину и надел обратно. — Архитектор? А я думал, постарше. И в очках. Они у нас все в очках, архитекторы.

— Я могу надеть.

— Не надо. Виктор Петрович, прораб. — Он спустился на две доски ниже и протянул ладонь, похожую на лопату. — Вы туда не ходите одна. Балка над лестницей на ладан дышит. Я им говорил, говорил... Они мне цифры, а у меня глаза.

— Какая балка?

— Северная. Вторая от окна. Подойдёте, покажу. Но если вы про протечку, она не с крыши.

Алиса остановилась.

— А откуда?

— Из водостока. Он засорён и перегнул кладку. Ни один обследователь туда не лез, потому что туда лезть надо с лестницей, а не с ноутбуком. — Он усмехнулся. — Вы сами догадались?

— Утром, в такси, по фотографиям.

— По фотографиям. — Виктор Петрович покачал головой, будто она сказала что-то неприличное. — Ну, значит, будем работать.

Дверь оказалась приоткрыта.

В холле пахло сыростью и старым деревом. Под ногами хрустела штукатурка. Мраморная лестница, о которой она читала столько восторженных строк, поднималась в полумрак, и свет, пробивавшийся сквозь грязный купол, падал на неё косыми столбами.

— Красиво, правда?

Алиса не вздрогнула. Она научилась не вздрагивать.

Из-за колонны вышел мужчина. Высокий, светловолосый, в расстёгнутом тёмном пальто, с улыбкой человека, которого трудно не любить. Он был старше, чем в её воспоминаниях, шире в плечах, но улыбка осталась той же.

— Даниил, — сказала она.

— Алиса. — Он остановился в трёх шагах, будто боялся подойти ближе. — Ты совсем не изменилась.

— Лжёшь. Изменилась.

— Тогда стала ещё лучше. — Он усмехнулся, но улыбка вышла чуть кривой. — Прости, я, наверное, должен был встретить тебя на вокзале. Но решил, что это будет слишком.

— Машины хватило.

— Рад, что ты не отправила её обратно.

— Я подумывала.

— Знаю. Ты всегда подумывала. — Он помолчал. — Я правда рад, что ты приехала.

Алиса посмотрела на него внимательно. Что-то было не так в его голосе, в слишком быстрой улыбке, в том, как он прятал руки в карманы. Она не знала, что именно. Но чувствовала это, как чувствуют трещину в стене по едва заметному изменению света.

— Это ты подписал договор, — сказала она.

— Да. Саша был в отъезде.

— Саша.

— Александр. — Он слегка поморщился, поймав себя. — Он будет через несколько минут. Сказал начинать без него, но я решил, что лучше подождать.

— Даниил.

— М?

— Почему именно моя студия?

Он ответил не сразу. Секунду, не больше, но она заметила эту паузу, как замечают провал на ровной дороге.

— Потому что ты лучшая, — сказал он легко. — Я просмотрел двенадцать портфолио. Твоё было единственным, где дом оставался домом, а не рекламой самого архитектора.

Ответ был хорош. Слишком хорош. Алиса кивнула и ничего не сказала.

Она обошла холл, провела рукой по перилам и остановилась у витражного окна, наполовину заложенного кирпичом. Сквозь уцелевшие стёкла сочился цветной свет, красный, синий, золотой, ложился на пол пятнами.

— Здесь надо вскрыть, — сказала она вслух, скорее себе. — Если конструкция позволит. Если нет, хотя бы реплика.

— Саша говорил то же самое.

— Что?

— На прошлой неделе. Мы приезжали сюда с инженерами. Он стоял на этом месте и сказал: «Здесь свет должен идти насквозь». Почти твоими словами.

Алиса медленно обернулась.

— Не «почти», — сказала она. — Такими же. Я написала это в пояснительной записке к проекту.

— Возможно, он читал записку.

— Возможно.

Он читал записку. Конечно. Он был из тех, кто читает всё: каждую строчку, каждую сноску, каждую оговорку мелким шрифтом. Он знал, как называется её студия, он видел её имя на титульном листе. Он мог тысячу раз отказаться.

Он не отказался.

«Что ты делаешь, Александр?» — подумала она и тут же одёрнула себя: не «Александр». «Господин Вольский». Только так.

Снаружи послышался звук мотора. Хлопнула дверца. Потом шаги по гравию, неторопливые, уверенные, шаги человека, привыкшего, что ему открывают двери.

Даниил выпрямился, как школьник перед директором.

— Вот и он, — тихо сказал он.

Алиса не повернулась. Она смотрела на пятна света на мраморе: красное, синее, золотое. Считала. Один. Два. Три. Дверь открылась шире. Сквозняк качнул пыль в столбе света.

— Даниил, ты мог хотя бы включить освещение.

Голос.

Она готовилась к нему восемь лет. Она представляла его по-разному: холодным, насмешливым, равнодушным, пустым. Она придумала десяток ответов. Но воображаемый голос не имел ничего общего с настоящим. Настоящий стал ниже. В нём появилась усталость, которой не было раньше, и та особая сдержанность, которая бывает у людей, слишком долго говорящих только приказы.

Она медленно повернулась.

Он стоял в дверях, и свет из сада обрисовывал его силуэт: высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, с влажными от дождя волосами. Лицо она рассмотрела не сразу. Сначала глаза. Те самые, серо-стальные, внимательные, умеющие смотреть так, что хотелось признаться во всём, даже в том, в чём не виновата.

Он не улыбался.

Он смотрел на неё секунду, две, три. И в эти три секунды она увидела то, чего не ожидала: на его лице не было ни холода, ни равнодушия. Была растерянность. Короткая, мгновенная, мгновенно подавленная. Как если бы человек шагнул на ступеньку, которой не оказалось на месте.

— Алиса, — сказал он.

— Господин Вольский.

Она протянула руку. Движение вышло ровным, безупречным. Она гордилась этим.

Он не сразу ответил на рукопожатие. Потом всё же шагнул вперёд, и его ладонь коснулась её ладони. Тёплая. Сухая. Сильная.

Они оба убрали руки одновременно, как обожжённые.

— Не думал, что ты приедешь, — произнёс он наконец. Негромко, почти ровно.

Алиса вскинула на него взгляд.

— Простите?

— Я не думал, что ты примешь контракт.

— Вы подписали его.

— Не я. — Он перевёл взгляд на Даниила, и в этом коротком взгляде что-то мелькнуло, быстрое, острое, как лезвие. — Договор подписывал Даниил. Мне сообщили имя архитектора только вчера вечером.

Тишина в холле стала плотной, ощутимой, как дым.

Алиса посмотрела на Даниила. Тот стоял, не отводя глаз, но на скулах у него проступили красные пятна.

— Саша, я думал...

— Потом, — сказал Александр.

Одно слово, без нажима. Но Даниил замолчал мгновенно.

Алиса почувствовала, как внутри что-то холодно щёлкнуло: деталь, которую она не могла назвать, встала на место и тут же выпала снова. Она отложила это. Потом. Подумает потом.

— Господин Вольский, — сказала она ровно, — если у вас есть возражения относительно моей кандидатуры, я готова обсудить их. Но договор подписан, аванс получен, и я не собираюсь тратить десять месяцев на то, чтобы доказывать то, что давно очевидно.

Что именно очевидно, она не уточнила. Он, кажется, тоже не спросил.

Александр медленно снял перчатки. Один палец, потом другой. Она вдруг поймала себя на том, что смотрит на его руки, и тут же отвела взгляд на витраж.

— Возражений нет, — сказал он. — Ты была лучшим выбором. Просто не моим.

— Тогда чьим?

— Хороший вопрос.

Он прошёл мимо неё к лестнице. Она почувствовала запах: холодный воздух, дорогая шерсть, едва уловимая нота кедра. Не тот одеколон, что он носил раньше. Но под ним что-то прежнее, неотделимое, как отпечаток на коже. Алиса сжала пальцы на ремне сумки так, что побелели костяшки.

— Тебе не надо называть меня господином, — сказал он, не оборачиваясь. — Мы слишком давно знакомы.

— Мы давно не знакомы, Александр Игоревич.

Она сама удивилась, как легко прозвучало отчество. Как пощёчина, нанесённая с улыбкой.

Он остановился на первой ступеньке. Помедлил. Потом обернулся, и теперь она увидела его лицо полностью: резче, жёстче, с тонкими морщинами у глаз, которых раньше не было. Красивое лицо. Опасно красивое. Лицо человека, который давно разучился доверять.

— Справедливо, — сказал он наконец. Уголок его рта дрогнул и тут же замер. — Тогда начнём с осмотра, Алиса Андреевна? Раз уж договор подписан, аванс получен и возражений нет.

Он вернул ей её же слова. Спокойно, с лёгкой, едва уловимой иронией.

И она поняла, что десять месяцев будут очень длинными.

Алиса вскинула подбородок и шагнула к лестнице.

— Начнём.

Они поднимались рядом, не касаясь друг друга, и ни один из них не смотрел на другого. Даниил остался внизу. Дождь стучал по куполу, цветной свет скользил по мрамору, и где-то в глубине дома тихо капало, точно кто-то считал.

На площадке второго этажа Александр остановился перед высокой двустворчатой дверью и положил ладонь на ручку.

— Прежде чем мы войдём, — сказал он, глядя прямо перед собой, — я должен кое-что сказать. Вернее, спросить.

Алиса ждала.

— Ты знала, что заказчик я?

Вопрос был простым. Но в том, как он его задал, не было ни упрёка, ни насмешки. Было что-то другое, что она не могла определить и что пугало сильнее любой колкости.

— Да, — ответила она. — Знала.

Он кивнул медленно, как человек, получивший ответ, которого боялся.

— Тогда, — сказал Александр тихо, — мне очень интересно, зачем ты приехала.

Он толкнул дверь, и свет из огромного окна ударил им обоим в лицо.

Глава 2. Десять месяцев рядом

Александр

Бывшая библиотека занимала весь угол второго этажа. Книг в ней давно не осталось: полки зияли пустыми ячейками, как выбитые зубы, а паркет вздулся волнами там, где зимой натекла вода. Зато окно уцелело. Огромное, в три створки, оно смотрело в сад, и сад в мокром сером свете казался чьим-то давним, забытым сном.

Александр Вольский вошёл первым и сразу понял, что совершил ошибку. Надо было пропустить её вперёд. Тогда он не видел бы, как она замирает на пороге, как её взгляд идёт по комнате: потолок, карнизы, трещина над окном, пятно на штукатурке. Она не смотрела на него. Она читала дом, как читают письмо от человека, которому давно не доверяют, но чей почерк узнают с первой строки.

Восемь лет назад она точно так же читала его чертежи, склонившись над столом, закусив кончик карандаша. Он тогда спросил, что она ищет. «Ошибки, — ответила она. — Любое здание врёт, если не проверять».

Он отвёл взгляд.

— Ты не ответила, — сказал он.

— На что?

— Зачем ты приехала.

Алиса присела на корточки у вздувшегося паркета, надавила на доску ладонью. Дерево отозвалось глухо, влажно.

— Из-за дома, — сказала она.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, на который вы имеете право, Александр Игоревич.

Она произнесла отчество снова. На этот раз без вызова, ровно, как называют предмет. И это задело сильнее, чем если бы она кричала.

Он мог бы сказать многое. Что видел цифру в тех документах: сумму, от которой его когда-то затошнило. Что восемь лет носил в себе вопрос, за сколько именно. Что ночами, в самые мерзкие часы, ловил себя на мысли, что ему было бы легче, окажись сумма больше: тогда хоть можно было бы сказать себе, что она стоила дорого. Но говорить такое в разрушенной библиотеке, при едва знакомой женщине с чертёжной папкой, он не собирался.

Женщина с папкой. Он повторил это про себя, как заклинание. Она уже не та девочка из аудитории с мятым пластиковым стаканчиком кофе. Она выше ростом, или ему так казалось. Волосы убраны, шея открыта, в ушах ни одной серьги. Платье тёмно-синее, строгое, без единой лишней складки. Она выглядела как человек, который собрал себя по частям и теперь не позволит никому проверить швы.

Он хотел бы не заметить, что она красива. Не получилось.

— Дом, — сказал Александр. — Хорошо. Давай о доме.

— С удовольствием.

Она поднялась, отряхнула ладонь о платье и достала блокнот.

— Северо-западный угол. Вода идёт не с крыши, как у вас в отчёте, а из водостока: он забит и перегнул кладку. Вы заплатили людям, которые смотрели только вверх. — Она подняла глаза. — Не вскроете сейчас, к весне получите дыру вместо перекрытия. Потом вместо зала.

— Подрядчик утверждал обратное.

— Подрядчик получал деньги за кровлю.

Она произнесла это спокойно, без злорадства. Он почти улыбнулся. Почти. Это была та самая Алиса: она не смягчала углы, но и не била ими.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько стоит твоя версия?

Она назвала сумму. Он слушал и считал: на десять процентов выше бюджета, который утвердил совет. Правление взвоет. Даниил начнёт шутить, чтобы скрыть, что нервничает. Мать, если узнает, выскажется тихо и безупречно.

— Хорошо, — сказал он.

Алиса моргнула. Видимо, ожидала торга.

— Вот так просто?

— Ты думала, я стану спорить?

— Я думала, вы потребуете вторую экспертизу.

— Вторая экспертиза будет. Её сделает тот, кого выберешь ты. Но смета проходит сегодня.

Она чуть сузила глаза. Недоверчиво, как смотрят на человека, который подозрительно любезен.

— В чём подвох?

— Подвох в том, что ты права. — Он пожал плечами. — Я не трачу деньги на то, чтобы доказывать самому себе, что способен ошибаться.

Она промолчала. Но он увидел, как что-то на её лице дрогнуло и тут же было загнано обратно.

Правила он изложил на площадке перед лестницей, пока Даниил в холле разговаривал по телефону вполголоса, слишком старательно не глядя вверх.

— Четверг, — сказал Александр. — Еженедельный осмотр на объекте. Я приезжаю лично. По понедельникам отчёт в офисе VOLS, в десять утра.

— Отчёт я пришлю письменно.

— Лично.

— Александр Игоревич, у меня двенадцать человек в студии, и половина прилетит только в ноябре. Два часа дороги каждый понедельник ради того, что умещается на трёх страницах? Это не контроль. Это ритуал.

— Ты будешь тратить два часа, потому что так написано в договоре. Пункт девять, подпункт три.

— Вы читали договор.

— Я пишу договоры.

— Вы любили, чтобы всё было лично, — сказала она вдруг. Негромко, глядя в сторону. Не колко, скорее устало, как человек, констатирующий давно известный факт.

Это «любили» повисло между ними. Прошедшее время, такое аккуратное, такое незаметное. Он почувствовал, как напряглись мышцы на челюсти.

— Я и сейчас люблю, — ответил он ровно. — Это экономит время на недоразумения.

— Какие недоразумения?

— Те, что случаются, когда люди слишком много друг другу не говорят.

На секунду стало так тихо, что он услышал, как внизу Даниил закончил разговор. Алиса смотрела на него. Серьёзно, прямо, без маски. И он вдруг подумал: сейчас она скажет что-то настоящее. Сейчас.

— Понедельник, десять утра, — произнесла Алиса. — Я буду.

Маска вернулась на место. Щёлкнула, как замок.

— И ещё, — добавил он, сам не понимая, зачем продлевает разговор. — Всё, что касается концепции, проходит через меня. До финального согласования ничего не показывается инвесторам.

— Концепцию я согласую с вами. С инвесторами буду говорить сама.

— Нет.

— Да.

— Алиса.

— Александр Игоревич.

Они стояли друг напротив друга, и он заметил, что она не отступила ни на шаг. Раньше она бы отступила или, напротив, шагнула вперёд, потянулась к нему, чтобы смягчить. Сейчас она просто стояла, как стоит здание на правильном фундаменте.

— Обсудим в четверг, — сказал он.

— Обсудим, — согласилась она. И в её голосе промелькнуло нечто, подозрительно похожее на удовлетворение.

Она спустилась первой. Он смотрел ей в спину, на узел волос, на прямую линию плеч, и с глухим раздражением понимал: за десять минут она сумела получить от него смету, на которую не согласился бы никто, и четверг без права вето по инвесторам. Он, человек, который выигрывал переговоры с банками, проиграл партию женщине в синем платье.

И почему-то вместо злости чувствовал что-то другое. Опасное. Горячее. Он не стал давать этому название.

Даниил догнал его у машины.

— Саш, подожди.

— Не сейчас.

— Я хотел объяснить.

Александр остановился с рукой на дверце. Дождь стекал по крыше, по стеклу, по плечам. Он не любил зонты. Отец называл это глупым упрямством, мать — демонстративным пренебрежением к удобству. Он называл это просто: нежеланием прятаться.

— Объясняй.

Даниил выглядел плохо. Не так, как выглядят люди с похмелья, а так, как выглядят люди, которые три дня репетировали разговор и теперь забыли слова. Он попытался улыбнуться, получилась гримаса.

— Двенадцать портфолио, Саш. Двенадцать! Я три вечера просидел. Ты видел, что она сделала в Зальцбурге? Отель на озере. Ты сам сказал, что хотел бы такой.

— Я сказал это о здании, а не об архитекторе.

— Какая разница?

— Огромная. — Александр повернулся к нему. — Ты знал, кто она.

— Знал.

— И подписал.

— Я решил... — Даниил неловко рассмеялся. — Ну, восемь лет. Вы оба не дети. Работа есть работа, чего тут. Скажи, что я не идиот.

— Ты мог предупредить.

— Ты бы отказался.

Фраза вышла быстрой, слишком быстрой. Александр отметил это, как отмечают лишнюю цифру в отчёте: не потому, что понял, где ошибка, а потому, что чутьё подало сигнал.

— Возможно, — сказал он. — А возможно, и нет. Но решение было моим, Даниил. Не твоим.

— Ты прав.

— Я знаю, что прав.

Он открыл дверцу. Даниил стоял под дождём и не уходил.

— Саш. Если тебе тяжело, я могу взять проект на себя. Объявим, что ты занят, я буду с ней работать...

— Нет.

— Но...

— Нет. — Александр сел за руль, захлопнул дверцу и опустил стекло. — Я не стану прятаться от собственного проекта. Если я это сделаю, значит, у неё есть над мной власть.

— А у неё нет?

Вопрос повис в мокром воздухе. Александр завёл мотор.

— Увидимся в офисе.

Он уехал, не дожидаясь ответа. В зеркале заднего вида Даниил остался стоять посреди аллеи: высокая, нелепая фигура под дождём, с запрокинутым лицом. Александр смотрел на него одну секунду и подумал, как давно не видел друга таким растерянным. Потом свернул, и аллея исчезла.

Неделя прошла так, как проходят недели перед грозой: внешне ровно.

В понедельник Алиса пришла в десять ноль-ноль. Не в девять пятьдесят пять и не в десять ноль пять: ровно в десять, когда секретарь ещё открывала рот, чтобы доложить. Она положила на стол три страницы отчёта, аккуратно сколотые, и задала два вопроса по смете, оба точные, оба неприятные. Он ответил на один. На второй сказал, что подумает. Она кивнула. И уже у двери, положив руку на ручку, обернулась.

— Кофе, — сказала она.

— Что?

— Он стоит у вас на столе с момента моего прихода. Остыл, судя по плёнке. Раньше вы не оставляли кофе нетронутым.

— Раньше у меня не было совета директоров.

— Раньше у вас не было причины отвлекаться.

Она произнесла это спокойно, почти лениво, глядя ему в глаза, и он вдруг понял, что вопрос не про кофе. Он встал. Обошёл стол, медленно, не торопясь, и остановился в полуметре, там, где расстояние уже нельзя назвать деловым.

— Под левым глазом у тебя тушь, — сказал он. — Размазана. Ты не спала.

Алиса не вздрогнула. Подняла руку, коснулась скулы подушечкой пальца, посмотрела на след и подняла бровь.

— Это не тушь. Это работа. — Она вытерла палец о край папки. — Но вы наблюдательны, Александр Игоревич. Это раздражает.

— Что именно?

— Что вы всё ещё замечаете такие вещи.

В кабинете было слишком тихо. Он услышал её дыхание: ровное, подчёркнуто ровное, как у человека, который держит его в кулаке. Взгляд сам упал на её губы, и вернулся к глазам, и он увидел, что она заметила. Тонкая бровь чуть приподнялась. На лице не было ни испуга, ни смущения: только короткая, острая, почти весёлая искра, как вспышка спички в тёмной комнате.

— Что-нибудь ещё? — спросила она.

— Откройте мне дверь, Алиса Андреевна.

— Вы стоите ближе.

— Вы держите ручку.

Она помедлила. Потом нажала на ручку, но не открыла: просто нажала и отпустила, с тихим щелчком, и этот звук прозвучал так интимно, что он почувствовал его кожей.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она.

И открыла дверь сама, и вышла, и дверь мягко закрылась за ней. Он остался стоять посреди кабинета, с рукой, которая сама потянулась к ручке и опустилась, и с ощущением, что только что проиграл очередной раунд. Вот только не мог понять, чей.

Потом он вернулся к столу, сел и долго смотрел на закрытую дверь. С верхнего этажа башни VOLS Вереск лежал внизу, как макет: река, мосты, красные крыши, купола. Он любил этот вид. Он выбирал офис именно из-за него. Сегодня вид казался чужим.

В четверг он приехал в «Белую розу» к двум.

На лесах северо-западного угла, под самой кровлей, в каске и рабочей куртке на два размера больше, стояла Алиса. Рядом с ней Виктор Петрович что-то показывал рукой, она кивала, записывала. Её волосы выбились из-под каски. Лицо было в известковой пыли.

Он остановился внизу, не желая быть замеченным, и, к собственному неудовольствию, простоял так минут пять.

Она не боялась высоты. Не боялась прораба, не боялась рабочих, не боялась ни грязи, ни ветра. Она двигалась по доскам уверенно, как по паркету бального зала, и когда оступилась, поймала равновесие одним коротким движением, даже не вскрикнув. У него внутри всё оборвалось. И так же быстро вернулось на место.

«Глупо, — подумал Александр. — Она архитектор. Она каждый день на лесах».

Алиса спустилась по лестнице, увидела его и остановилась на нижней ступеньке. В её лице что-то мелькнуло: не удивление, не раздражение. Скорее, досада человека, которого застали в момент, когда он не успел надеть выражение лица.

— Давно стоите?

— Только что.

— Лжёте. Вы стоите там минут пять. Рабочие уже заметили.

— Рабочие заметили, а ты?

— А я поняла по тому, что Виктор Петрович перестал ругаться.

Она стянула каску, провела ладонью по волосам. Оставила на виске полоску белой пыли. Ему захотелось стереть её. Он убрал руки в карманы пальто.

— Осмотр, — сказал он.

— Осмотр, — повторила она.

Они обошли дом молча. Она показывала вскрытые участки, объясняла, где придётся менять балки, где можно сохранить штукатурку. Он задавал вопросы. Короткие, технические. Она отвечала так же. Диалог напоминал игру в пинг-понг двух профессионалов, из тех, что не смотрят друг другу в глаза, но чувствуют каждое движение соперника.

У дальней стены холла, где при расчистке открылся кусок старой росписи, она остановилась.

— Смотрите.

Сквозь осыпавшуюся штукатурку проступали бледные линии: розовый бутон, лист, часть стебля. Роспись была тонкой, почти невидимой, как водяной знак.

— Я хочу её сохранить, — сказала Алиса. — Не реставрировать целиком, это слишком дорого и не нужно. Оставить как есть. Пусть проступает. Пусть гость в холле чувствует, что дом помнит, кто в нём жил.

— Дом, который помнит.

— Да.

— Не лучшая рекламная идея для отеля. Люди едут за забвением, а не за памятью.

— Люди едут за ощущением, что с ними что-то происходит, — сказала она, не оборачиваясь. — Просто они не всегда знают, что именно.

Она произнесла это ровно, без нажима, но он услышал в этой фразе что-то неуловимо личное. Эхо разговора, которого они никогда не вели вслух.

— Хорошо, — сказал Александр.

Она обернулась.

— Вы согласны?

— Я сказал «хорошо», а не «согласен». Подготовь расчёт. Если уложишься в бюджет, оставим.

— А если нет?

— Тогда ты найдёшь способ уложиться.

Уголок её рта дрогнул. Он вдруг понял, что ждал этого весь день, всю неделю. И так же быстро понял, что ждать этого не должен.

— До понедельника, — сказала она.

— До понедельника.

Она пошла к воротам, надевая на ходу пальто. Он смотрел, как она уходит по Липовой аллее, под мокрыми деревьями, и не двигался с места, пока её фигура не растворилась в дожде.

Телефон завибрировал в кармане. Он достал его не сразу, будто знал заранее, кто звонит.

На экране высветилось: «Мама».

Он смотрел на имя, пока вибрация не прекратилась. Телефон затих. Через секунду загорелся снова.

Александр принял вызов.

— Да.

— Здравствуй, Саша. — Голос Виктории Вольской был, как всегда, тёплым и безупречно спокойным. Голос человека, который никогда не повышал тона и никогда не нуждался в этом. — Ты сегодня обедал?

— Мама, я занят.

— Знаю. Я не отниму много времени. Просто хотела сказать, что мне очень понравился эскиз, который прислал Даниил. Очень хороший проект. Очень... знакомый почерк.

У него похолодели пальцы.

— Какой эскиз?

— Тот, что на «Белую розу». Я заехала сегодня утром к нему в офис, и он любезно показал. — Короткая пауза, почти нежная. — Мне сказали, что студия называется «Миронова и партнёры».

Александр молчал.

— Я рада, что ты не стал отказываться из-за прошлого, — продолжала она. — Это зрелое решение. Просто я подумала: может быть, нам стоит поужинать в воскресенье? Втроём. Ты, я и твоя... архитектор.

— Нет, — сказал он.

— Саша.

— Нет, мама.

— Хорошо, дорогой. — Она не обиделась. Она никогда не обижалась. — Тогда в воскресенье вдвоём. Я приготовлю твоё любимое.

Она положила трубку.

Александр стоял посреди пустой аллеи, и дождь стекал по его лицу. Он не вытирал его. Он думал о том, что за восемь лет мать ни разу не назвала Алису по имени. Ни разу. А теперь знала название её студии.

И о том, что Даниил, который неделю назад смотрел ему в глаза и клялся, что подписал контракт сам, показал её эскиз его матери раньше, чем показал ему.

Глава 3. Новые правила

Алиса

Правила Алиса придумала в среду ночью, сидя на полу съёмной квартиры среди нераспакованных коробок.

Квартиру она нашла за два дня: светлая, на последнем этаже старого дома на улице Ткачей, с кривым подоконником и видом на крыши. Здесь не было ничего от прошлого. Ни одного угла, где они могли бы сидеть, ни одного окна, из которого они смотрели. Она выбрала её именно за это.

На коленях лежал блокнот. На странице, ровным почерком, который она унаследовала от матери-бухгалтера, значилось:

1. Только по делу.

2. Не оставаться наедине дольше, чем требует работа.

3. Не смотреть на руки.

Последний пункт она зачеркнула. Потом написала заново, потому что зачёркнутое выглядело хуже. Потом выругалась вполголоса и закрыла блокнот.

Смешно. Три четверга и две понедельничные встречи, и она уже составляла правила, как школьница перед контрольной. А ведь он не сделал ничего. Ни одного лишнего слова, ни одного взгляда, за который можно было бы зацепиться. Он был безупречен: холоден, точен, деловит. Он соглашался с её решениями или спорил по существу. Он ни разу не назвал её по имени без отчества, ни разу не коснулся, не намекнул.

Именно это и сводило с ума.

Где-то в глубине её памяти жил другой Александр: смешливый, неловкий, способный заснуть на её диване с учебником по макроэкономике на лице. Тот Александр говорил «Алиса» так, будто это слово можно было есть. А этот, с жёсткой линией подбородка и стальным взглядом, произносил «Алиса Андреевна», и в каждом слоге слышался замок.

Она решила, что так лучше. Что это и есть защита.

И всё равно в четверг, когда он стоял внизу под лесами и смотрел, как она ходит по доскам, она почувствовала этот взгляд спиной. Физически. Как тепло от печки.

Вечер для инвесторов назначили на субботу, в самом доме.

Идея принадлежала Александру, и Алиса, к собственному раздражению, сочла её блестящей. Не гостиница, не конференц-зал: сама «Белая роза», недоделанная, с лесами в дальнем крыле, но с расчищенным холлом, вскрытым витражом и сотнями свечей вместо люстр, которых ещё не было. Гости должны были увидеть не картинку, а возможность.

К шести холл преобразился. Рабочие вынесли мусор, вымыли мраморный пол, и он вдруг засветился тёмным медовым светом. Витражное окно, расчищенное от кирпича, пропускало последние лучи закатного неба: красные, синие, золотые пятна легли на ступени лестницы. Алиса стояла у подножия, оглядывая результат трёх бессонных суток, и думала: «Получилось».

На ней было чёрное платье с открытыми плечами, простое, без единой блёстки. Волосы она оставила распущенными. Не для него. Просто потому, что узел в этот вечер казался слишком похожим на броню, а ей хотелось выглядеть человеком, а не крепостью.

«Врёшь», — сказала она себе и поправила прядь.

Гости приходили по одному, по двое: члены совета директоров VOLS, банкиры, партнёры по строительству. Женщины в вечерних платьях, мужчины в костюмах, каждый с одинаковым выражением вежливой оценки. Алиса принимала поздравления, отвечала на вопросы, водила небольшие группы по холлу, объясняя, где будет рецепция, где зимний сад, где библиотечный бар. Она говорила легко: о доме она могла говорить сутками.

Александр появился в половине седьмого.

Она заметила его не сразу. Сначала по тому, как разговоры вокруг стали тише, чуть почтительнее. Потом увидела: чёрный костюм, белая рубашка без галстука, расстёгнутая на одну пуговицу. Он вошёл, поздоровался с кем-то, кивнул кому-то. Походка человека, которому не нужно искать, где встать, потому что пространство само освобождается.

Он увидел её. Остановился. Совсем на секунду, едва заметно.

Алиса отвела взгляд первой. Победа получилась сомнительной.

Она заставила себя вернуться к разговору со стариком из совета, который упорно спрашивал про систему вентиляции, и ответила на три вопроса подряд, ни разу не сбившись. Но кожей знала, где он: у колонны слева, потом у стола с шампанским, потом у лестницы. Он перемещался по холлу, как хищник по ночному лесу: никуда не спеша, но не упуская ничего.

— Вы, наверное, Миронова.

Голос рядом был незнакомым, тёплым, с лёгкой иронией. Алиса обернулась.

Мужчина лет тридцати двух стоял с бокалом в руке, в тёмно-синем костюме, без показной дороговизны, но сидевшем безупречно. Светло-русые волосы, чуть выгоревшие на концах, будто он проводил много времени на открытом воздухе. Светлые, внимательные глаза. Улыбка человека, которому интересно.

— Максим Левин, — сказал он. — Девелопмент «Левин и Ко». Мы строим на левом берегу. Мне хотели показать дом, но я предпочёл подождать, пока покажете вы.

— Почему?

— Потому что об остальных архитекторах я знаю, что они скажут. А о вас нет.

Алиса против воли улыбнулась.

— Это комплимент или тактика?

— И то и другое. Но второе честнее. — Он протянул ей руку. — Можно задать вопрос, не относящийся к вентиляции?

Она пожала его ладонь. Тёплая, сухая, без попытки задержаться дольше нужного.

— Вы подслушивали.

— Стоял поодаль. Старик Гринёв спрашивает про вентиляцию всех, даже на вечеринках, и все отвечают заученно. Вы ответили так, будто вам интересно. Это подкупает.

— Мне интересно.

— Вот именно. — Он кивнул на витраж. — Тогда мой вопрос. Вы решили вскрыть окно. Это стоило бюджета. Почему?

Алиса подумала. Вопрос был хорош: не «как», а «почему». Люди редко спрашивали, почему.

— Потому что дом без света — просто здание, — сказала она. — А этот дом строили, чтобы в нём жили. Свет решает, как человек будет чувствовать себя внутри. Можно перекроить любую планировку, но если нет света, в нём нельзя дышать.

Максим помолчал. Потом тихо сказал:

— Я полгода пытаюсь объяснить подрядчикам что-то подобное. У вас получилось за двадцать секунд.

— Просто повезло с окном.

— Нет. Не повезло. — Он улыбнулся, и она заметила, что улыбка у него без расчёта. — Хотите, покажу, что я сейчас строю? Не как инвестор, а как человек, которому нужен чужой взгляд. Я не про сделку. Мне нужна оценка профессионала, который не станет мне льстить.

— Вы откуда знаете, что я не стану?

— Вы уже один раз сказали «нет» старику Гринёву, когда он попросил упростить сметный раздел. Я слышал.

Алиса засмеялась. Тихо, искренне, впервые за много дней, и даже сама удивилась, как легко вышел этот звук. Максим смотрел на неё с интересом, не с голодом, не с самодоволь-

ством, а с тем внимательным удовольствием, которое бывает у людей, нашедших неожиданного собеседника.

И всё-таки она знала, чувствовала, ещё не оборачиваясь, что с другого конца холла на них кто-то смотрит.

— Алиса Андреевна.

Он возник рядом так тихо, что Максим не успел договорить фразу. Александр стоял в полушаге, с бокалом воды в руке. Не шампанского. Воды. Она заметила эту деталь и тут же возненавидела себя за то, что заметила.

— Александр Игоревич, — сказала она.

— Максим. — Александр протянул руку, и мужчины обменялись рукопожатием, на миг слишком долгим. — Не знал, что ты придёшь.

— Твой помощник прислал приглашение. Мне стало любопытно.

— Любопытство иногда стоит дорого.

— Не в этом случае, — легко ответил Максим. — Пока что я получаю только удовольствие.

Странно, но он не был ни агрессивен, ни насмешлив. Он просто оставался собой, и Алиса поймала себя на мысли, что это лучше любой обороны. Александр смотрел на него долго и спокойно. Потом перевёл взгляд на неё.

— Мне нужно ненадолго украсть вас, — сказал он. — Совет интересуется бюджетом на фасад.

— Совет интересуется бюджетом на фасад уже полчаса, — заметила она. — Я ответила три раза.

— Четвёртый будет последним.

Она могла отказаться. Могла сказать, что разговаривает, что у неё есть собственная жизнь, что не обязана срываться по первому его слову. Слова стояли у горла. Но вокруг были люди, он был заказчиком, а вечер принадлежал дому. И потому Алиса повернулась к Максиму, тепло улыбнулась и сказала:

— Я найду вас позже.

— Буду ждать, — ответил он. И ей показалось, что в его глазах мелькнуло понимание: не торжество, не обида, а просто короткое «вижу».

Александр повёл её не к совету. Они свернули за колонну, в боковую нишу, где когда-то, наверное, стоял буфет. Здесь было темнее, тише, сквозь щели в строительной плёнке тянуло холодом. Он остановился, и она остановилась тоже.

— Совет, — сказала она.

— Подождёт.

— Вы соврали.

— Я перенёс приоритеты.

Она скрестила руки на груди и посмотрела на него снизу вверх. В полумраке его лицо казалось резче, чем днём: глубокие тени под скулами, прямая линия рта.

— Говорите.

— Левин скупает землю вдоль реки. Тихо, через подставные фирмы. «Белая роза» входит в зону, которую он хочет перекупить. Он здесь не из любопытства.

— Он сказал, что из любопытства.

— Он много что скажет.

— А вы? — Алиса наклонила голову. — Вы всегда говорите только правду?

Он не ответил сразу. Что-то дрогнуло в его лице: тень, которую он не успел убрать.

— В делах да.

— А вне дел?

— Это не относится к теме.

— Тогда и Левин не относится к теме, Александр Игоревич. — Она говорила тихо и чётко, как зачитывают протокол. — Претензии к конкуренту предъявляйте конкуренту. Предупреждение заказчика я услышала, записала и приняла к сведению. Но вы увели меня из разговора не за этим.

— Не по этому.

— Тогда по какому?

Он молчал. Она видела, как двигаются желваки на его скулах. Не гнев, нет. Что-то другое, более глухое, как у человека, который прикусил язык, чтобы не сказать лишнего.

— Вы смеялись, — сказал он наконец.

Алиса моргнула.

— Простите?

— Вы смеялись. Я не слышал этого восемь... — Он оборвал себя. Поправился: — Я не слышал, чтобы вы смеялись, с тех пор, как вернулись.

В нише было слишком тихо. Она услышала собственное дыхание и заставила его выровняться.

— Вы за мной следите?

— Нет. Я слышу.

— Это то же самое.

— Нет, — сказал он. — Совсем не то же.

Он шагнул ближе. Не вплотную, на расстояние вытянутой руки, но и этого хватило, чтобы она ощутила знакомое тепло и запах: холодный воздух, шерсть, кедр. Она вспомнила, что обещала себе не смотреть на его руки, и посмотрела на пуговицу рубашки. Потом на шею. Потом, с отчаянием, на колонну.

— Александр, — сказала она.

Он дёрнулся, будто она коснулась его.

Она произнесла имя. Просто имя, без отчества, без обороны. Оно вышло само, и она не успела поймать его.

— Не называй меня так, — сказал он хрипло.

— Как?

— Так, как раньше.

— Вы сами сказали, чтобы я не называла вас «господином».

— Я не говорил этого.

— Говорили. В первый день.

— Я сказал, что мы слишком давно знакомы. Это другое. — Он провёл ладонью по лицу, коротко, резко. Жест человека, который устал сражаться сам с собой. — Алиса. Просто будь осторожна. С Левиным. С советом. С остальными.

— А с вами?

Она сама не поняла, как задала этот вопрос.

Он посмотрел на неё. Долго. Так, как не смотрел ни разу с момента её возвращения: без стены, без маски, без стали. Серые глаза потемнели, и в них она прочла то, чего не ожидала прочесть. Не холод. Не презрение. Усталость и что-то ещё, острое, похожее на боль.

— Со мной, — произнёс он негромко, — ты можешь быть какой хочешь. Я всё равно не смогу тебя ранить сильнее, чем ты уже ранила.

Слова упали между ними, как камни в воду.

— Что? — выдохнула она.

Но он уже отступил. Лицо закрылось: тихо, плотно, как закрывается дверь, за которой слишком много нажито. Он поправил манжету.

— Совет ждёт.

— Подождите. Что вы сказали?

— Ничего, чего не стоило бы сказать раньше.

— Александр...

— Алиса Андреевна, — произнёс он отчётливо, и в этом отчётливом «Алиса Андреевна» не было ничего, кроме холодной вежливости. — Мы возвращаемся к гостям.

Он пошёл первым. Она осталась стоять в нише, глядя ему в спину, и в голове стучало одно: «Ранила? Я? Я ранила?»

Это было несправедливо. Это было нелепо. Это было не про неё. Это он выбрал семью. Это он оказался на тех снимках с чужой женщиной, в той постели, в тех объятиях. Это она восемь лет училась жить без человека, которого, оказывается, считала самым честным на земле.

И всё-таки в голосе, в этом коротком «ранила» не было лжи. Она слишком хорошо знала его голос. Когда Александр лгал, он говорил быстрее. А сейчас говорил медленно, как человек, который читает приговор самому себе.

Алиса прижала ладонь к холодному камню колонны. Постояла секунду. Потом выпрямилась, поправила волосы и вернулась в зал.

Когда гости начали расходиться, Максим нашёл её у выхода. Свечи догорали, холл стал тихим и странно уютным, как бывает после праздника, когда все слова уже сказаны.

— Я не буду делать вид, что ничего не заметил, — сказал он. — И не буду спрашивать, что там было.

— Спасибо.

— Но один вопрос задам. — Он протянул ей визитку: плотный картон, простая серая печать. — В субботу, через неделю, я приглашаю вас на ужин. Не по делу. Просто ужин. Если скажете «нет», я пойму и пришлю вам рабочее письмо про левый берег, как обещал.

Она взяла карточку. Пальцы чуть дрогнули. Она не знала, хочет ли она ужина. Не знала, хочет ли она Максима. Знала только, что сегодня в тёмной нише ей сказали фразу, которую она не могла выбросить из головы, и что ей отчаянно нужно было что-то простое, тёплое, без подводных камней.

Поверх плеча Максима, в дверях, на фоне темнеющего сада стоял Александр. В тёмном пальто, с телефоном в руке, он делал вид, что слушает собеседника. Но смотрел на неё.

Она выдержала этот взгляд. Не отвела. Медленно, нарочито, перевела глаза на Максима.

— Да, — сказала Алиса. — Я приду.

Максим улыбнулся. Он ничего не знал о том, что за этим «да» стояло. Или знал, но выбрал не знать.

Когда она снова подняла взгляд, Александра в дверях уже не было. Только дрожала на сквозняке створка, и последняя свеча у витража, догорая, бросала на мрамор красный, синий и золотой свет.

Глава 4. Слишком близко

Александр

Воскресный ужин у матери, три недели назад, прошёл безупречно, и именно это Александру не нравилось.

Виктория Вольская накрыла стол в малой столовой, где всегда обедали «по-семейному»: белая скатерть, тяжёлое серебро, любимый отцовский сервиз. Она спрашивала о делах, о здоровье, о совете директоров. Ни слова об Алисе. Ни намёка на «Белую розу». Когда он, не выдержав, сам упомянул проект, она подняла на него спокойные светлые глаза и сказала: «Конечно, дорогой. Ты же всегда доводишь начатое до конца». Подала чай. Перевела разговор на благотворительный фонд.

Но один эпизод всё же врезался в память.

Когда горничная унесла тарелки, мать налила себе чаю и спросила, не поднимая глаз:

— Как у архитектора с водостоком?

— Откуда ты знаешь про водосток?

— Дорогой, я читаю отчёты. Все. Даже те, которые мне не присылают. — Она улыбнулась. — Она умна. Я видела записку. «Свет должен идти насквозь». Твой отец сказал бы то же самое, будь он поэтом.

— Он не был поэтом.

— Нет. Он был человеком, который ходил по этому дому с рулеткой и вздыхал. Купил его за одну ночь, без согласования. Я не разговаривала с ним неделю. — Виктория поставила чашку. — А он так ни разу туда и не вошёл. Платил налоги и смотрел на фотографии. Я приходила и стояла в холле. Одна. Он не знал.

Александр не нашёл, что ответить. Он никогда не слышал, чтобы мать говорила об отце без брони.

— Мне жаль, что тебя отстранили от проекта, — осторожно сказал он.

— Меня никто не отстранял. Я сама. Я решила, что дому нужен человек, который его чувствует. — Она подняла глаза, светлые, спокойные. — Мне кажется, Саша, ты выбрал верно. И хочу, чтобы ты знал: я не вмешиваюсь.

Он поверил бы. Если бы не знал её тридцать четыре года.

Он уехал с ощущением, что его обыграли. Тихо, без единого хода, который можно было бы назвать ходом.

С Даниилом он тоже поговорил. Коротко, в машине. Тот объяснил про эскиз: мать заглянула в офис за документами, случайно увидела, он не стал скрывать. Всё логично. Всё правдоподобно. Даниил не отводил глаз и смеялся в нужных местах, но Александр знал его двадцать лет и слишком хорошо помнил, как тот смеётся, когда ему стыдно.

Он не стал давить. Пока.

В четверг, ровно через пять дней после вечера в «Белой розе», он приехал на объект и обнаружил, что в нём что-то изменилось. Не в доме. В нём самом.

Он запретил себе думать о той нише за колонной. О том, как она произнесла его имя. Одно слово, шесть букв, и у него в груди что-то обвалилось, как кладка, которую слишком долго подмывала вода. «Не называй меня так», — сказал он. И сам не понял, кого просил: её или себя.

А потом произнёс то, чего не планировал вообще. «Я всё равно не смогу тебя ранить сильнее, чем ты уже ранила». Эти слова вышли сами, без позволения. Он ждал, что она бросится возражать, оправдываться, хлопнет дверью. Вместо этого она замерла, и на её лице мелькнуло что-то настолько похожее на искреннее изумление, что у него закралось сомнение: а так ли хорошо она играет?

Сомнение он задушил сразу. Восемь лет назад он видел подпись. Цифры. Дату. Он не сумасшедший.

Алиса встретила его у входа. Тёмные брюки, серый свитер, рабочие ботинки, волосы заплетены в тугую косу. Она держала в руках планшет и говорила по телефону, не прерываясь, только кивнула ему, как кивают человеку, который пришёл по записи.

— Да, Виктор Петрович, понимаю, но балки должны быть сухими. Не «почти сухими». Сухими. — Пауза. — Нет, не завтра. Когда я скажу.

Она закончила разговор, убрала телефон и подняла взгляд.

— Александр Игоревич.

— Алиса Андреевна. Всё в порядке?

— Всё в порядке. — Она не улыбнулась. — Идёмте. Сегодня главное в зимнем саду.

Зимний сад находился в южном крыле: стеклянная пристройка, наполовину обрушенная, с остатками металлического каркаса, обвитого сухим плющом. Когда-то здесь росли пальмы, апельсины, камелии. Теперь под ногами хрустело битое стекло, а сквозь дыру в потолке сочился белый ноябрьский свет.

Алиса остановилась в центре и развернула планшет.

— Вот что я хочу. Полностью восстановить каркас по сохранившимся деталям. Стекло с зелёным оттенком, как на фотографиях из архива. Внутри — настоящие растения, не искусственные. Здесь будет не лобби и не кафе. Здесь будет место, ради которого люди будут бронировать номер.

Он посмотрел на цифры внизу экрана. Потом ещё раз.

— Это втрое больше, чем заложено.

— Втрое больше, чем заложено на кафе. Мы не строим кафе.

— Совет не утвердит.

— Совет утвердил вскрытие витража.

— Витраж стоил в десять раз меньше.

— Зато даёт десять раз больший эффект.

— Алиса. — Он потёр переносицу. — Идея хорошая. Но у меня цифры и люди, которые их читают. Левин вчера...

Он прикусил язык, но поздно.

Алиса медленно опустила планшет.

— Левин вчера что?

— Ничего.

— Вы начали фразу.

— Я передумал.

— Александр Игоревич. — Она сделала шаг. Хрустнуло стекло. — Вы пришли и первым делом режете бюджет на единственное, что отличает этот дом от тысячи таких же. Потом вы упоминаете Левина. Я правильно понимаю: вы собираетесь решать вопрос вкуса бухгалтерией, чтобы...

— Я собираюсь использовать здравый смысл.

— Вы собираетесь наказать меня за то, что я смеялась в субботу.

Свет из дыры в потолке падал между ними белым столбом.

Она произнесла это ровно, без истерики. Но слово «наказать» ударило, как пощёчина. Потому что в нём была правда, и он это знал. Не вся, не прямая, но достаточная, чтобы стало стыдно.

— Это неправда, — сказал он.

— Тогда почему вы сказали «Левин»?

— Потому что у совета теперь есть альтернатива. Левин купит участок и продаст нам готовую оранжерею.

Она моргнула.

— Что?

— Вчера вечером. Позвонил Гринёву. Экономия двадцать процентов, оранжерею строит его подрядчик. — Он сглотнул. — Хотел сказать тебе аккуратно. Не вышло.

Алиса молчала. Потом тихо, почти беззвучно, сказала:

— Он ничего такого не говорил мне.

— Конечно не говорил.

— Вы думаете, он использует меня?

— Я думаю, что он умный человек, который хорошо знает, чего хочет.

— И чего он хочет?

— Не знаю. — Александр сделал шаг назад. — Но я знаю, что ты согласилась поужинать с ним, и я не могу не...

Он снова оборвал себя. На этот раз слишком поздно, и слишком явно.

— Откуда вы знаете про ужин? — спросила Алиса.

— Видел.

— Видели что?

— Как ты взяла визитку. Как сказала «да».

— То есть вы подслушали.

— Я стоял в двадцати метрах и умею читать по губам.

Неправда. Он не умел. Но он видел её лицо, видел движение губ, короткое, решительное. Он знал это «да», как знают собственный почерк.

— Это не ваше дело, — сказала она.

— Не моё.

— И моя личная жизнь, с кем и когда я ужинаю, не имеет отношения к проекту.

— Не имеет.

— Тогда зачем вы мне это говорите?

Его раздражение достигло такого уровня, что стало невозможным его скрывать. Не злость: беспомощность. Он стоял в разрушенном зимнем саду, перед женщиной, которая восемь лет назад взяла деньги и ушла, и злился на неё за то, что она улыбается другому мужчине.

— Потому что мне не всё равно, — сказал он. Коротко, глухо, против собственной воли.

Ноябрьский ветер прошёл сквозь пустой каркас, и пересохший плющ вздрогнул.

Алиса смотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать. Потом она медленно положила планшет на выступ стены.

— Вам не всё равно, — повторила она. — Прекрасно. Восемь лет вам было всё равно, а теперь вдруг стало не всё равно, потому что на мне чёрное платье и рядом стоит симпатичный мужчина. Это очень удобно, Александр Игоревич. Очень по-вашему.

— Что значит «по-моему»?

— Это значит, что вы всегда решаете, когда вам важно. А остальным остаётся подстраиваться.

— А ты? — Он шагнул к ней. Голос стал ниже, жёстче. — Ты всегда знала, когда тебе важно. Когда решила уйти, когда решила не оглядываться. Подстраиваться пришлось мне.

Она побледнела.

— Я не...

— Не будем, — оборвал он. — Не здесь. Не сейчас. Это не то место и не тот день.

— А когда то?

Он не ответил. Потому что не знал. Потому что весь этот разговор шёл по краю обрыва, и оба понимали, что одно неосторожное слово — и они упадут туда, где восемь лет лежало то, о чём они молчали.

Алиса первой отвела глаза. Взяла планшет, провела пальцем по экрану, и он увидел, что рука у неё не совсем твёрдая.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте по существу. Максим Левин предложил схему. Я посмотрю её. Если она разумнее моей, я приму. Если нет, вы поддержите меня перед советом.

— Это шантаж?

— Это условие. — Она подняла голову. — И ещё: вы сказали «он умный человек, который хорошо знает, чего хочет». Это всё, что вам известно про Максима. Не то, что он что-то скрывал. Не то, что он что-то украл. Он сделал деловое предложение вашему совету. Открыто. Вы пересказали его мне так, будто речь о заговоре.

Удар был точным. Александр помолчал.

— Возможно, — признал он. — Возможно, я неправильно расставил акценты.

— Возможно.

— Но не в том, что мне не всё равно.

— Об этом мы тоже не будем.

Он кивнул. И неожиданно для себя почувствовал нечто вроде облегчения: она не позволила ему устроить сцену. Не позволила себе. Остановила их обоих у края.

— Наверху галерея, — сказала Алиса, уже деловито, словно разговор был завершён. — Мне нужна ваша оценка. Если мы сохраняем каркас, то перекрытие над залом придётся укреплять. Я хочу показать вам, что там.

Лестница в южное крыло была узкой, винтовой, с чугунными ступенями, которые гудели под ногами, как пустая бочка. Алиса шла первой, он следом. Наверху открывалась галерея: длинный балкон над зимним садом, с обрушившимися перилами и тонкими деревянными настилами, переброшенными через провалы.

— Идите по краю, вдоль стены, — предупредила она. — Середина ненадёжна.

Они шли, и в полумраке он видел её косу, спину, уверенный шаг. Она останавливалась, показывала на ферму под крышей, на ржавые болты, на трещину в балке. Говорила быстро, чётко. Он слушал и ловил себя на том, что слушает не слова, а голос. Низкий, чуть хрипловатый, когда она увлекалась.

— Здесь, — сказала она, — самое слабое место. Видите?

Она шагнула вперёд, к узкому настилу, перекинутому через провал, и указала на узел под самой кровлей. Настил слегка качнулся под её ногой.

— Алиса.

— Минуту, я хочу показать...

— Алиса, назад.

Доска хрустнула.

Он не успел подумать. Тело сработало раньше, чем разум: рывок, рука на её запястье, резкий откат назад. Настил с глухим стуком провалился вниз, на плитку зимнего сада, подняв облако пыли. Эхо прокатилось по пустому крылу.

Они стояли у стены, и Алиса была прижата к нему спиной, и его рука держала её за запястье так крепко, что, наверное, останутся следы. Её дыхание сбилось. Его тоже. Он чувствовал, как под пальцами бьётся её пульс: быстрый, частый, живой.

Живой.

Это слово било в голове, как колокол. Три метра до плитки. Три метра, и битое стекло, и железный каркас.

— Я в порядке, — сказала она. Голос дрогнул. — Всё хорошо. Можно отпустить.

Он не отпустил.

— Александр.

— Секунду.

Он не мог. Он стоял, держа её, и чувствовал, как дрожат собственные руки. Тот самый человек, который закрывал сделки на миллионы, не моргнув глазом, сейчас боялся шевельнуться. Потому что понимал, что именно только что мог потерять. И что восемь лет делал вид, будто уже потерял.

Алиса медленно повернула голову. Лицо оказалось рядом, в нескольких сантиметрах. Тёмные, широко раскрытые глаза. Пыль на щеке. Прядь, выбившаяся из косы, прилипла ко лбу.

Она не отстранилась.

Он видел, как её взгляд скользнул по его лицу: глаза, скулы, губы. Задержался. Вернулся. В этом взгляде не было ни ненависти, ни расчёта, ни той вежливой ледяной вежливости, которой она отгораживалась все эти недели. Было что-то растерянное и очень юное, как у девочки, которая вдруг узнала дорогу домой и не хочет себе в этом признаваться.

Он наклонился. Совсем чуть-чуть.

И она отвернулась.

Не резко, не с отвращением. Просто опустила взгляд, высвободила запястье мягким, твёрдым движением и отступила на шаг. Потом на второй.

— Спасибо, — сказала Алиса ровно. — Вы спасли мне жизнь. Или, по крайней мере, лодыжку.

— Алиса...

— Нет.

Она подняла руку. Не защищаясь: останавливая.

— Вы сделали то, что сделал бы любой. И я благодарна. Но это ничего не меняет. Это не отменяет ни того, что было, ни того, что вы сказали в зимнем саду. Это просто доска, Александр Игоревич.

Он кивнул. Горло сжало так, что говорить было нечем.

— Я распоряжусь, чтобы галерею закрыли для всех, кроме инженеров, — сказал он наконец. Сухо, по-деловому. Это далось тяжело, как далась бы пробежка в гору.

— Хорошо.

— И ты не будешь ходить сюда одна.

— Я хожу сюда каждый день.

— Больше не будешь.

— Это приказ?

— Это условие. — Он вернул ей её же слово. — Как у тебя.

Уголок её рта дрогнул, и он пожалел, что не может запомнить этот миг целиком: пыльный свет, белая пыль на щеке, едва заметное оттаивание в её лице. Потом она покачала головой.

— До понедельника, — сказала Алиса. — И я принесу расчёт по оранжерее. Оба варианта.

Она спустилась первой. Он остался на галерее, прислонившись плечом к холодной стене, и слушал, как её шаги затихают на чугунных ступенях.

В машине он не сразу завёл мотор. Сидел, положив руки на руль, и смотрел на пустую аллею.

Его пальцы всё ещё помнили её запястье. Тонкое. Тёплое. С полоской бледной кожи там, где, видимо, носили часы, и с чем-то ещё. Он зацепил это краем глаза, в момент рывка, и только теперь, в тишине, понял, что именно увидел.

Тонкая серебряная цепочка. Почти невидимая под манжетой свитера, с крошечным компасом-подвеской размером с рисовое зёрнышко.

Он знал этот компас. Купил его в крошечной лавке на Старом рынке в её двадцать первый день рождения. Продавец пытался всучить ему что-то помпезное, с камнями. Он отказался. «Чтобы всегда знала дорогу», — сказал он тогда, застёгивая замок на её руке. Она рассмеялась и ответила: «Домой?» «Ко мне», — сказал он. Глупо. Слащаво. Он тогда был глуп и счастлив.

Восемь лет. Деньги. Подпись. Цифры.

Человек, который взял компенсацию за то, чтобы уйти, продаёт всё, что напоминает о дарителе. Это логика. Это здравый смысл. Это то, что сделал бы он сам.

Он не мог заставить себя перестать видеть эту серебряную цепочку.

Александр медленно выдохнул, завёл мотор и впервые за восемь лет подумал вопрос, на который не хотел знать ответ:

«А если я чего-то не понимаю?»

Глава 5. Чужой мужчина

Алиса

В субботу она трижды меняла платье.

Это было нелепо. Она, которая в двадцать девять лет руководила студией, спорила с подрядчиками и накануне спустилась с лесов, как с горки, стояла перед зеркалом в одном белье и разглядывала три платья на кровати, как сапёр разглядывает провода.

Зелёное было слишком нарядным. Чёрное она надевала на вечер в «Белой розе», а повторяться казалось плохой приметой. Остановилась на тёмно-красном, цвета вина, с закрытыми плечами и длинным рукавом. Строгое, женственное, ничего лишнего.

Длинный рукав. Она заметила это, только застёгивая манжет. Рукав закрывал запястье.

Алиса замерла, глядя на тонкую серебряную цепочку с крошечным компасом. Она носила её восемь лет. Не потому, что не могла снять. Просто привыкла, как привыкают к шраму: он перестаёт быть раной, но остаётся частью тела.

Можно снять. Прямо сейчас. Положить на тумбочку, и вечер станет проще.

Она не сняла.

«Это просто украшение, — сказала она себе. — Я не обязана ничего объяснять Максиму Левину. И тем более самой себе».

Телефон завибрировал на кровати. Ирина.

«Ну? Какое выбрала?»

«Тёмно-красное».

«Слава богу. Зелёное было как для свидания. Чёрное как для похорон».

«А красное?»

«Как для человека, который идёт на ужин, а не на войну. Только возьмите запасные туфли: на набережной ветер, а у «Эллинга» мостки».

«Ира».

«Я просто забочусь».

«Ты ищешь повод узнать, как всё прошло».

«Это тоже забота».

Алиса положила телефон экраном вниз и посмотрела на запасные туфли. Они лежали у двери. Она не помнила, когда достала их.

Максим заехал за ней в семь. Не на огромном чёрном внедорожнике, которого она почему-то ожидала, а на тёмно-зелёной машине, немолодой, но ухоженной, с запахом кожи и кофе. Он вышел, открыл ей дверь, и она отметила, что он не пытается казаться кем-то, кем не является.

— Вы удивлены, — сказал он, садясь за руль.

— Я ожидала, что вы приедете на вертолёте.

— Вертолёт на ремонте. — Он улыбнулся. — Я люблю эту машину. Мне досталась от отца, он был прорабом. Всё, что у меня есть, началось с него. Не хочу забывать, с чего.

— Хорошая причина.

— Единственная. Остальные — оправдания.

Они ехали по набережной, и Вереск лежал в вечернем свете, как открытка из другого времени. Фонари на мосту Трёх Сестёр уже горели. Река шла чёрная, плотная, с золотыми дорожками. Алиса смотрела в окно и вдруг почувствовала, что плечи опустились. Она не заметила, как давно держала их поднятыми.

— Вы любите этот город? — спросил Максим.

— Не знаю.

— Честный ответ.

— Я уехала отсюда в двадцать один. Тогда мне казалось, что он давит. Сейчас я вернулась и не понимаю, давил он или я сама себя давила.

— А почему вернулись?

— За работой.

Она ожидала, что он станет допытываться. Он только кивнул, как будто принял факт, и сказал:

— «Белая роза» стоит возвращения.

Ей вдруг стало легко. Не весело, не волнующе, а именно легко: как после долгой дороги, когда наконец снимаешь тяжёлую обувь.

Ресторан назывался «Эллинг» и стоял на воде. Старый деревянный эллинг, в котором когда-то держали лодки, переделали в зал с высокими потолками и стеклянной стеной на реку. Столы стояли далеко друг от друга, свечи горели низко, и играл не джаз и не лаунж, а просто тихий рояль где-то в глубине.

Они сели у окна. Максим заказал вино, не спрашивая, что она любит: спросил, любит ли она сухое. Потом заказал ужин, и она отметила, что блюда выбраны так, чтобы им обоим было что пробовать друг у друга. Ни одного пафосного названия. Ни одной попытки произвести впечатление.

— Я должен кое-что сказать, пока мы не начали, — произнёс он, когда официант отошёл. — Иначе весь вечер буду думать, что вы ждёте.

— Чего?

— Что я признаюсь. — Он положил ладони на скатерть. — Три дня назад я позвонил Гринёву и предложил схему с оранжереей. Я не знал, что идея принадлежит вам. Узнал только когда он сказал, что вы будете против. Я сразу позвонил ему снова и сказал: без согласия архитектора ничего не трогаем.

Алиса молчала. Она вспомнила разрушенный зимний сад, голос Александра: «Он предлагал совету альтернативу». Вспомнила, как он произнёс «он умный человек, который хорошо знает, чего хочет».

— Вы мне не сказали.

— Не успел. Собирался сегодня. — Он чуть улыбнулся. — Честно говоря, ждал, что Вольский сам сообщит вам. С нужной окраской.

— С какой окраской?

— Скажем так: он не самый объективный свидетель в вопросах, касающихся меня.

— Почему?

Максим посмотрел на неё прямо.

— Алиса, я не слепой. И не настолько самодоволен, чтобы не понять, что то «да» в «Белой розе» было отчасти для него.

Она почувствовала, как краснеют скулы. Он заметил, но не стал давить.

— Не оправдывайтесь, — добавил он мягко. — Мне не нужны объяснения. Я просто хочу, чтобы вы знали: я не буду делать вид, что не понимаю. И не буду притворяться, что мне всё равно. Но я также не стану играть в соревнование, где вы приз.

— Я не приз.

— Вот именно. — Он поднял бокал. — Поэтому предлагаю просто поужинать. Без стратегий.

Алиса засмеялась. Тихо, с облегчением, так, как смеются люди, которым только что вернули воздух.

— Вы удивительный человек, Максим.

— Я нормальный. Это сейчас редкость.

Они пили вино, и разговор шёл легко. Он рассказал про отца, про первую стройку, на которой в пятнадцать лет таскал кирпичи. Про то, как однажды упал со второго этажа и три месяца лежал в гипсе, и как отец сидел у кровати и читал вслух учебник по сопромату, потому что ничего другого под рукой не оказалось. Она рассказала про мать-бухгалтера, которая до сих пор считает архитектуру баловством, хотя гордится ею тайно. Про Вену, про первую зиму, когда она работала подмастерьем в чужой студии, подрабатывала по ночам и спала по пять часов.

Она не рассказала про Александра. Не потому, что скрывала. Просто там, где с этим человеком было легко, это имя не требовалось.

И всё равно, смеясь над очередной историей, она ловила себя на том, что сравнивает. Максим слушал, не перебивая. Александр всегда слушал, склонив голову, и в паузах смотрел так, что хотелось сказать больше, чем собиралась. Максим говорил просто, без подтекстов. Александр говорил так, что каждое слово было с двойным дном.

«Прекрати», — приказала она себе.

Она улыбнулась Максиму и взяла бокал.

Они доедали десерт, когда над ними, на антресолях, зазвучали аплодисменты и хор голосов запел что-то нестройное и весёлое.

— Что там? — спросила Алиса.

Максим поднял голову, и она увидела, как у него дрогнули брови.

— Юбилей Гринёва. Ему семьдесят. Праздновали в «Старой мельнице», но там вчера прорвало трубу, и все переехали сюда. Мне сказали утром. — Он виновато посмотрел на неё. — Я забыл предупредить. Честно.

— Верю.

Она и правда поверила. Было что-то в его растерянном лице, что не умело лгать. Но город, подумала она, слишком маленький. Здесь невозможно спрятаться: за любым столиком сидит кто-нибудь, кто знает кого-нибудь, кто знает всё.

Гринёв заметил их сразу. Склонился через перила антресолей, красный, весёлый, в бабочке, и замахал салфеткой, как флагом.

— Максим! Алиса Андреевна! Поднимайтесь, поднимайтесь! Без вас тост не тост!

Отказать было невозможно. Она встретилась взглядом с Максимом, и он беззвучно произнёс: «Простите».

Лестница вела на широкую галерею, где стоял длинный стол, заставленный бокалами и цветами. Человек двадцать гостей: те же лица, что были в «Белой розе», только расслабленные, раскрасневшиеся. Гринёв усадил их рядом с собой и супругой, и первые десять минут Алиса честно выслушивала речь о том, что в семьдесят лет жизнь только начинается.

Александр сидел напротив, наискосок, на другом конце стола. Рядом с ним Даниил, с бокалом, с вечной полуулыбкой. Алиса увидела его только тогда, когда подняла глаза от тарелки: тёмный костюм, расстёгнутый ворот, лицо без выражения. Он не смотрел на неё. Смотрел в тарелку, потом на Гринёва, потом на кого угодно, только не на неё. И именно в этом старательном «не смотрел» она прочла всё.

Максим наклонился к ней, чтобы налить воды. Она кивнула, поблагодарила. Тихо засмеялась на его шёпотом сказанную шутку про бабочку Гринёва. И заметила краем глаза, как Александр сжал бокал. Пальцы побелели. Совсем чуть-чуть, незаметно для остальных.

Даниил наклонился и что-то сказал ему. Александр коротко ответил, не поворачивая головы.

Тост длился бесконечно. Когда он наконец закончился и гости потянулись к десертам, Алиса извинилась и вышла на узкий балкон над рекой. Ей нужен был воздух.

Ноябрьский холод ударил в лицо. Внизу чернела вода, мерцали огни моста. Она обхватила плечи руками и закрыла глаза.

— Вы замёрзнете.

Она не обернулась.

— Не замёрзну.

— Алиса Андреевна.

— Александр Игоревич.

Он встал рядом, у перил, на почтительном расстоянии. В руке у него ничего не было. Ни бокала, ни телефона. Это его, видимо, и выдавало: человек, который не знает, куда деть руки.

— Я хотел сказать, что расчёт по оранжерее можно принести в среду, — произнёс он. — Не в понедельник. Времени достаточно.

— Спасибо. Но я принесу в понедельник.

— Как хотите.

Они стояли молча. Внизу плеснуло: кто-то отвязывал лодку.

— Максим сказал мне, — произнесла она негромко, глядя на воду. — Про оранжерею. Что позвонил Гринёву ещё раз и отказался от схемы без моего согласия.

Он не вздрогнул. Только чуть дольше, чем нужно, молчал.

— Удобно, — сказал Александр.

— Что?

— Удобно, что он так честен. Именно тогда, когда это нужно.

— А вам удобно подозревать, — повернулась она к нему. — Всегда, когда это нужно. Вы видели его три раза в жизни.

— Я видел, как он смотрит на тебя.

Он сказал «тебя». Негромко, без усилия. И сам, кажется, не заметил.

— Как?

— Как человек, которому уже что-то пообещали.

— Я пообещала ему ужин.

— Тогда досматривай ужин.

Это прозвучало резко, как хлопок. Алиса почувствовала, как у неё внутри что-то вспыхнуло и тут же погасло, оставив горькое послевкусие.

— Вы не имеете права, — сказала она тихо.

— Знаю.

— Вы не имеете права ни ревновать, ни судить, ни делать вид, что вам не всё равно, когда восемь лет вам было...

— Не было, — перебил он.

На этот раз он посмотрел на неё. Прямо, жёстко, с лицом человека, который шагнул за черту и понимает это.

— Не было, — повторил он. — Но это ничего не меняет, да? Это ничего не отменяет.

Она застыла. Эта фраза, «ничего не отменяет», была её собственной, сказанной два дня назад на галерее. Он возвращал её. Не как оружие, как попытку.

— Александр...

Но он уже отвернулся.

— Приятного вечера, — сказал он. — Мне нужно вернуться к Гринёву.

Он ушёл. Дверь на галерею закрылась мягко, без стука. Алиса осталась одна над чёрной рекой, и холод наконец добрался до костей.

Максим отвёз её домой в полночь. Он не пытался поцеловать её, не напрашивался на чай, не спрашивал, что произошло на балконе. У подъезда, на улице Ткачей, под жёлтым фонарём, он просто сказал:

— Спасибо. Это был лучший вечер за последние месяцы.

— Для меня тоже, — ответила она и поняла, что это правда. Просто не вся.

— Я позвоню.

— Позвоните.

Он кивнул и уехал, и она долго смотрела, как красные огни растворяются в конце улицы.

В квартире было тихо. Алиса сняла платье, смыла помаду, села на край кровати с телефоном в руке. Экран вспыхнул раньше, чем она успела что-то сделать.

Сообщение. Номер без имени, но она знала его наизусть, хотя ни разу не сохраняла.

«Прости. Это было лишнее. Ты права: я не имею права. Спокойной ночи, Алиса».

Она прочла один раз. Потом ещё раз. Без «Игоревича», без «Андреевны». Просто «Алиса» и «ты». Как раньше.

Пальцы сами нашли на запястье тонкую цепочку. Крошечный компас, холодный от ночного воздуха, лёг в ладонь, и стрелка, как всегда, дрогнула и показала куда-то в сторону окна.

Туда, где за крышами и рекой, в городе, который она не могла ни полюбить, ни забыть, сейчас не спал человек, написавший ей эти три строчки.

Она не ответила.

Но и телефон не выключила.

Глава 6. То, что осталось

Алиса

Мать жила на улице Кожевников, в доме без лифта, где пахло капустой, мокрыми пальто и чужими радиоприёмниками. Алиса поднималась по знакомым ступеням и считала их, как в детстве: двадцать шесть до площадки, ещё двадцать до третьего этажа. Перила остались такими же липкими. Дверь, обитая коричневым дерматином, тоже.

Она должна была приехать три недели назад. В первый же день. Любая нормальная дочь так бы и сделала. Но Алиса звонила по воскресеньям, говорила «много работы», слушала в трубке ровное «понимаю» и вешала трубку с чувством вины, которое быстро превращалось в раздражение. Это была их с матерью старая, отлаженная игра: обе знали правила и обе в ней проигрывали.

Дверь открылась раньше, чем она успела постучать.

— Не топчись на пороге, — сказала Лидия Павловна. — Сквозняк.

Мать была ниже, чем помнилось. Седая, с аккуратно уложенными волосами, в тёмном домашнем платье и вязаной кофте, застёгнутой до горла. Очки на цепочке. Взгляд бухгалтера: быстрый, оценивающий, без пощады к лишним цифрам.

— Здравствуй, мама.

— Похудела.

— Не похудела.

— Похудела. Заходи, я борщ сварила.

Она не обняла. И Алиса не обняла. Но когда проходила мимо, мать на секунду коснулась её рукава. Мимолётно, одним пальцем, как проверяют, настоящая ли ткань. И этого хватило, чтобы у Алисы защипало в глазах.

Они ели борщ на кухне, под часами с кукушкой, которая не куковала с девяносто восьмого года. Лидия Павловна спрашивала про работу, про Вену, про квартиру. Алиса отвечала. Говорили о ценах, о соседке, у которой умерла собака, о том, что в доме собираются менять трубы. О чём угодно, кроме главного.

— Мне Тамара Ильинична сказала, что ты строишь гостиницу в «Белой розе», — произнесла мать, разливая чай. — Она видела в газете.

— Не строю. Реставрирую.

— Для Вольских.

Ложка в руке Алисы остановилась.

— Для компании. Заказчик — VOLS Group.

— Я читала, чья это компания.

Она говорила спокойно, глядя в чашку. Алиса молчала. Она никогда не рассказывала матери всех подробностей той зимы и весны. Только: «Мы расстались». Только: «Всё кончено». Мать тогда посмотрела на неё, как на сломанную вещь, и ничего не спросила.

— Это работа, мама.

— Я знаю.

— Просто работа.

— Я не спорю. — Лидия Павловна отпила чай. — Только странно, что из всех студий именно твою выбрали.

— Моя лучшая.

— Конечно, лучшая. — Мать чуть поджала губы. — Я просто вспомнила. После твоего отъезда к нам приходил человек. Недели через две. Вежливый, в хорошем пальто. Спрашивал, не нужна ли помощь. Не материальная ли, говорил, а так, вообще. Из какой-то конторы, оставил визитку.

— Что за контора?

— Не помню. Адвокатская, кажется. — Она пожала плечами. — Я выбросила. Мне тогда было не до визиток.

Алиса почувствовала лёгкий холодок, как от случайного сквозняка. Тут же отмахнулась. Мало ли кто приходил восемь лет назад: страховые агенты, адвокаты, коллекторы.

— Наверное, ошибся адресом.

— Наверное. — Мать допила чай и поставила чашку на блюдце. — В твоей комнате коробка. Та, что ты оставила перед отъездом. Я не открывала. Но она занимает место. Забери или выброси. Мне всё равно.

Последнее было ложью. Алиса знала это по тому, как мать не смотрела на неё, когда говорила.

Комната осталась почти нетронутой. Узкая кровать у стены, стол у окна, полка с учебниками, которые давно устарели. На подоконнике засохший кактус в горшке с отбитым краем. На стене выцветший плакат с чертежом собора Святого Витта: двадцатилетняя Алиса вырезала его из журнала и приклеила скотчем, который теперь пожелтел.

Коробка лежала на верхней полке шкафа. Обувная, картонная, перевязанная бечёвкой. Алиса сняла её, села на кровать и несколько минут просто держала на коленях, как держат что-то живое.

Восемь лет назад она сложила в неё всё. Не выбросила. Не сожгла. Хотя много раз представляла, как будет жечь: на балконе, ночью, в железном тазу. Но в ту последнюю неделю, собирая чемодан дрожащими руками, она вдруг поняла, что не может. Что уничтожить это значило бы признать: ничего не было. А было. Было. И пока коробка существует, существует и тот человек, которым она тогда была.

Она развязала бечёвку.

Сверху лежали мелочи. Билет на благотворительный вечер, плотный, кремовый, с золотым тиснением: октябрь, восемь лет назад. Она никогда не думала, что сохранила его. Рядом бумажная салфетка, сложенная вчетверо. Алиса развернула её: карандашный набросок, быстрый, неровный. Два силуэта на фоне окна, и подпись корявыми буквами: «Тот самый вечер, когда ты наступила мне на ногу». Он нарисовал это на второй день после знакомства, пытаясь доказать, что тоже умеет рисовать. Не умел. Получились два столба.

Она засмеялась. Тихо, одним выдохом. И сразу же прижала ладонь ко рту.

Под салфеткой лежали фотографии. Не те. Другие: смешные, неудачные, сделанные на телефон. Александр спит на её диване, лицо закрыто учебником. Она с мокрыми волосами, в его огромном свитере, показывает язык в объектив. Крыша старого дома на улице Мельников, бумажные стаканчики, бутылка дешёвого вина, и они оба, смеющиеся, растрёпанные, смотрят друг на друга, а не в камеру.

Она смотрела на эту фотографию долго. Слишком долго.

Ему было двадцать шесть. Лицо без складок у рта, без той жёсткости, которая появилась потом. Глаза светлые, смеющиеся, открытые, как у человека, который ещё не знает, что мир умеет отнимать. Тот Александр смотрел на неё так, как будто она была единственным настоящим предметом во вселенной.

«Или он умел притворяться», — сказал внутри чей-то холодный голос.

Алиса положила снимок на кровать лицом вниз.

Но память, как всегда, оказалась хитрее. Стоило снимку упасть лицом вниз, как за ним, непрошено, поднялось другое: воскресенье в конце ноября, за пять месяцев до всего. Он тогда решил приготовить ей завтрак. Сам, без помощников, в её крошечной кухне на улице Мельников, и через десять минут дым стоял такой, что соседка снизу прибежала с огнетушителем. Алиса хохотала, сидя на подоконнике с ногами, и командовала: «Масло! Нет, не туда! Саша,

это не масло, это порошок для посуды!» А потом выхватила у него сковородку, и они, мокрые от смеха, оба упали на пол среди разбитых яиц, и он целовал её в яичном желтке на щеке и говорил, что женится, если она не уйдёт от человека, который сжёг три яйца подряд.

Она не ушла. Она вымыла пол, сварила ему кофе и села к нему на колени, и вся эта нелепая, дымная, живая кухня была самым настоящим местом на земле.

Алиса тряхнула головой, прогоняя картинку. Но запах горелого масла, нелепый, почти физический, остался в комнате ещё на несколько секунд, как призрак.

Потом были другие вещи. Пустая коробочка из-под цепочки, чёрная, бархатная, с вытертым углом. Квитанция из лавки на Старом рынке с неразборчивой подписью. Блокнот, исписанный её собственным почерком: планы, эскизы, нелепые мечты. «Дом для двоих». На первой странице рисунок: небольшой, с высоким окном, с садом, с крыльцом, на котором сидят двое. Внизу, другой рукой, наклонной, размашистой, одним росчерком:

«Построим сами. А.»

Она провела пальцем по этим буквам. Чернила выцвели, но надпись держалась упрямо.

Потом нашла записку.

Маленький лист, вырванный из его ежедневника, сложенный пополам. Она помнила, как он оставил его в её рюкзаке, в тот последний день, в апреле, когда она ещё ничего не знала. Она нашла записку позже, вечером, когда уже получила конверт. И не прочла. Сунула в коробку, как суют в мусор то, что больно держать в руках.

Сейчас она развернула лист.

«Завтра в восемь, на нашей крыше. Не опаздывай. Я скажу тебе то, что хотел сказать давно. Не бойся. Это хорошее. А.»

В комнате было тихо. Из кухни доносился звон посуды: мать мыла чашки. Кактус на подоконнике стоял в серых сумерках, как маленький колючий свидетель.

Она не пошла на крышу. В тот вечер в восемь часов она сидела в аэропорту, с чемоданом на коленях, и смотрела в никуда. Она получила фотографии накануне. Утром собрала вещи. Вечером улетела.

«Что он хотел сказать?»

Этот вопрос она себе не задавала восемь лет. Не позволяла. Всё, что он мог сказать в тот вечер, было заранее перечёркнуто тем, что она видела на снимках: он, чужая женщина, чужая постель, чужие руки. Любые слова после этого были ложью.

«Не бойся. Это хорошее».

Она стиснула листок. Потом разжала пальцы и разгладила бумагу на колене, осторожно, чтобы не порвать.

Последним, на самом дне, лежал плотный конверт без подписи, заклеенный. Она узнала его сразу, по весу, по шершавой бумаге. Тот самый. Тот, что принёс курьер в апреле, когда она сидела над курсовым проектом в студенческой библиотеке.

Она не открывала его с того дня. Одна секунда на то, чтобы увидеть. Одна секунда, и мир разломился. Она сунула конверт в сумку, а ночью, не в силах ни порвать, ни сжечь, заклеила и спрятала на дно коробки.

Сейчас конверт лежал у неё на ладони и казался тяжелее, чем должен был. Она могла открыть его. Посмотреть спокойно, как смотрят на давно закрытое дело, с холодной головой и профессиональным глазом. Посмотреть и наконец убедиться, что была права.

Пальцы коснулись края клапана.

— Алиса?

Мать стояла в дверях. Она не вошла. Стояла в своей вязаной кофте, с кухонным полотенцем в руках, и смотрела на разложенные на кровати вещи, на конверт, на лицо дочери.

— Я думала, ты уже собралась.

— Сейчас.

— Не торопись.

Лидия Павловна помолчала. Потом, не глядя на Алису, сказала негромко:

— Я не знаю, что у вас тогда случилось. Ты не рассказывала, и я не спрашивала. Но я видела, как ты уезжала. Я видела, как ты любила. Люди так не любят по ошибке.

— Мама.

— Я просто говорю. — Она сжала полотенце. — Что бы там ни было, ты не обязана это открывать сегодня. Закрой и забери. Откроешь, когда сможешь.

Она ушла на кухню, и через секунду снова зазвенела посуда, нарочито громко, как бывает у людей, которые боятся, что их услышат.

Алиса сидела не двигаясь. Потом очень медленно положила конверт обратно на дно. Сверху положила записку. Блокнот. Фотографии. Салфетку с двумя столбами. Билет. Закрыла крышку, затянула бечёвку.

Не сегодня.

Ей было двадцать девять. Она больше не была девочкой из студенческой библиотеки, и ей предстояло решить, чем станет для неё эта коробка: могилой, музеем или вопросом. Решить она не могла. Пока не могла.

Но когда она вышла на лестничную площадку, прижимая коробку к груди, в кармане завибрировал телефон. Номер без имени.

«Завтра в десять совет. Мне нужна ты. Не как архитектор: как человек, который скажет им правду про оранжерею. Если можешь».

Алиса остановилась на ступеньке, где-то между вторым и третьим этажом. Пахло капустой, мокрыми пальто и чужими радиоприёмниками.

Она долго смотрела на слово «если». Потом набрала ответ, стёрла, набрала снова.

«Приду».

Отправила и впервые за восемь лет не пожалела.

Часть II. Опасная близость

Глава 7. Сделка

Александр

Совет директоров VOLS Group собирался по понедельникам в стеклянной переговорной на сорок втором этаже, и Александр давно привык считать это помещение продолжением собственного лица. Длинный стол из мореного дуба, девять кресел, панорама города за спиной председателя. Здесь он закрывал сделки, увольнял людей, выслушивал упрёки отцовских соратников. Здесь он научился не показывать ничего.

Сегодня не получалось.

Он пришёл за двадцать минут до начала и стоял у окна, глядя, как внизу по мосту ползут игрушечные трамваи. Спал он плохо. Не потому, что мучила совесть или бессонница: просто стоило закрыть глаза, и перед ним возникала то серебряная цепочка на запястье, то выражение лица Алисы на балконе. «Вы не имеете права». Она была права. Он не имел права.

И всё равно написал ей вчера. Дважды. Второе сообщение, про совет, он набирал сорок минут и стёр три варианта. Остановился на самом сухом. Она ответила одним словом: «Приду». Он перечитывал это слово так долго, что телефон успел погаснуть.

Галина Петровна вошла без стука и поставила на край стола стакан воды и маленькую белую таблетку.

— Это что?

— Валерьянка. — Секретарь стояла прямо, как свеча. — Вы не спали, а совет сегодня будет разговаривать с вами на «вы» в особом смысле.

— Я в порядке.

— Александр Игоревич, я работала с вашим отцом двадцать два года. Он тоже был в порядке. Перед каждым советом заходил в комнату отдыха и говорил: «Галя, если через пять минут не выйду, значит, умер». И каждый раз выходил. — Она слегка склонила голову. — Вы унаследовали только одно: это умение заходить в комнату отдыха. Выпейте.

Он выпил. Таблетка была сладкой и пахла детством.

— Спасибо.

— Не за что. И, если позволите: Пётр Матвеевич просил передать, что будет голосовать против любого варианта, в котором вы промолчите.

— Я не собираюсь молчать.

— Знаю. — Галина Петровна позволила себе тень улыбки. — Поэтому он и просил передать.

— Ты как человек, которому назначили казнь, — сказал Даниил, входя без стука.

— Спасибо.

— Не за что. — Он бросил папку на стол и посмотрел на друга внимательнее. — Серьёзно, Саш. У тебя лицо, как у человека, который собирается проиграть спор о том, что и так всем ясно.

— Я не собираюсь проигрывать.

— Тогда зачем позвал Миронову? Мы могли бы обойтись цифрами.

— Цифры не решают вопрос.

— А что решает?

Александр не ответил. Решала она. То, как она говорила о свете в окне, о доме, который помнит. Он знал, что совет, состоящий из шестидесятилетних мужчин в серых костюмах, не

поймёт её слов, но почувствует интонацию. Интонацией она обладала редкой: умела говорить о вещах так, что люди начинали видеть их заново.

Даниил, кажется, понял, потому что промолчал. Потом тихо сказал:

— Ты ведь не простил её.

— Я не хочу об этом.

— Но не простил.

— Даниил.

— Ладно. — Тот поднял ладони. — Только скажу одно. Если вдруг окажется, что ты чего-то не знаешь... — Он запнулся.

Александр повернулся.

— Чего я не знаю?

На лице Даниила мелькнуло что-то быстрое, тёмное, как тень птицы по стене. Мелькнуло и пропало.

— Ничего. Я просто так сказал. Нервы.

Он улыбнулся своей обычной улыбкой, и Александр отметил, что с этой улыбкой что-то не так. Что-то давно не так. Но дверь открылась, и в переговорную вошёл секретарь с первой партией членов совета, и вопрос остался повисшим в воздухе.

Алиса пришла ровно в десять. В тёмно-сером костюме, строгом, с белой блузкой под горло, с папкой под мышкой. Волосы убраны. Губы без помады. Она выглядела так, словно собиралась на экзамен, который сдавала много раз и всегда сдавала на отлично.

За ней, чуть отстав, вошёл Максим Левин.

Александр не удивился. Гринёв вчера позвонил и сообщил, что пригласил Левина «как независимого консультанта по технологическим вопросам». Формулировка была достаточно дипломатична, чтобы возражать нельзя. Максим поздоровался с советом, кивнул Александру, сел на свободное место в конце стола. Спокойно, без вызова: конфликта не искал, но и не избегал.

Александр отметил, что он выбрал место напротив Алисы.

— Коллеги, — начал он, и голос прозвучал ровно. — Вопрос один: зимний сад. Алиса Андреевна представит два варианта. Максим Валерьевич при необходимости дополнит. Прошу выслушать оба до обсуждения.

Алиса встала. Не отошла к проектору, не взяла указку. Просто положила на стол два листа, по одному на каждую сторону стола, и сказала:

— Прежде чем показывать цифры, я хочу задать вам один вопрос. Кто из вас бывал в Венском Пальменхаусе?

Пауза. Двое переглянулись. Гринёв поднял руку.

— Я, в семьдесят девятом, в командировке.

— Что вы запомнили?

Гринёв нахмурился, вспоминая.

— Свет. Зелёный свет. И как пахло влажной землёй.

— Не конструкции?

— Нет, дорогая. Конструкции я не помню.

— Вот. — Алиса улыбнулась, коротко, тепло. — Ни один гость нашего отеля не будет помнить, из чего сделан каркас. Но все запомнят, как они в нём себя чувствовали. Это то, что мы продаём. Не стекло. Ощущение.

Она говорила двенадцать минут. Ни одного лишнего слова, ни одной паузы без смысла. Показала расчёт по первому варианту: полное восстановление, собственные мастерские, срок семь месяцев. По второму: готовый каркас из современных материалов, имитация исторического рисунка, срок четыре. Экономия двадцать процентов.

Александр слушал и ловил себя на том, что смотрит не на цифры, а на её руки. Как она складывает пальцы, когда подбирает слово. Как постукивает ногтем по краю папки, один раз, когда волнуется. Восемь лет назад она точно так же стучала по столу перед экзаменом.

— Я не скрываю, — заключила Алиса, — что предпочитаю первый вариант. Но вторая схема имеет право на жизнь, если мы сумеем сохранить принципиальные элементы. Максим Валерьевич?

Максим встал. Спокойно, без позы.

— Я хочу сказать, что полностью согласен с Алисой Андреевной в главном. Мой подрядчик может сделать каркас быстрее и дешевле. Но он не сможет сделать так, чтобы человек, войдя, остановился и перестал думать о телефоне. Это не вопрос технологии. Это вопрос вкуса. — Он помолчал. — Предлагаю вариант, который не фигурирует ни в одной из схем. Мы строим каркас по её чертежам, но на моих мощностях. Я беру на себя производство, она контролирует каждый шаг. Если результат её не устроит, я переделываю за свой счёт.

Гринёв присвистнул. Остальные зашептались.

Александр сидел неподвижно. Он понимал, что это блестящий ход. Левин не защищал свою схему и не атаковал чужую. Он нашёл точку, в которой интересы совпадали. Благородно и умно. И от этого раздражало вдвое сильнее.

— Условия? — спросил он.

— Никаких, кроме одного. — Максим посмотрел на Алису. — Решающее слово остаётся за архитектором.

Александр медленно перевёл взгляд на неё. Алиса стояла прямо, не улыбаясь, но он видел, как у неё слегка порозовели скулы. Она была тронута. И, что хуже, смущена.

«Он дал ей то, чего я не дал бы», — подумал Александр.

Мысль была острой, неприятной и абсолютно честной.

Совет проголосовал за гибридный вариант шестью голосами против двух. Александр воздержался. Формально это была победа Алисы. Фактически, как он понимал, победа Левина: тот получил контракт на производство и, что важнее, расположение женщины, которая посмотрела на него через стол с тихой благодарностью.

Он вышел в коридор, когда заседание закончилось, и остановился у панорамного окна. Спиной почувствовал шаги.

— Вольский.

— Левин.

Максим встал рядом, на расстоянии корпуса, и тоже посмотрел на город. Некоторое время они молчали, как два бойца в перерыве между раундами.

— Я не враг тебе, — сказал Максим.

— Я этого не говорил.

— Не говорил. Но смотрел так, будто я у тебя что-то забрал.

— Забрал?

— Не знаю. — Максим пожал плечами. — Ты скажи.

Александр повернул голову. Левин смотрел на него спокойно, без вызова, готовый выслушать любой ответ.

— Ты предложил хорошую схему, — сказал Александр сухо. — Я признаю.

— Но?

— Но я знаю, зачем ты её предложил.

— Зачем?

— Чтобы произвести впечатление на архитектора.

— Отчасти, — спокойно согласился Максим. — Ещё чтобы заработать. Ещё потому, что мне нравится этот проект. Люди редко делают что-то по одной причине, Александр. Ты бы тоже мог попробовать. Расслабляет.

Он усмехнулся без злости. Александр подумал, что ненавидеть этого человека было бы очень удобно. Но, к сожалению, не получалось. Левин был слишком прямым, слишком открытым, слишком похожим на того, кем Александр хотел бы стать лет десять назад: человеком, который не боится говорить вслух то, что чувствует.

— Она не вещь, — произнёс Александр вдруг, неожиданно для самого себя. — Я это знаю. Если у тебя серьёзные намерения, мне нечего возразить.

Максим внимательно посмотрел на него.

— А если несерьёзные?

— Тогда я тебя найду.

— Угроза?

— Констатация.

Уголок губ Левина дрогнул.

— Хорошо. Я запомню. — Он помолчал. — Только, Александр. Если уж мы заговорили откровенно. Ты ведь понимаешь, что это не мне надо объяснять? Это ей.

Он кивнул, повернулся и пошёл по коридору, оставив Александра у окна наедине с городом.

Алиса ждала его в кабинете. Он не звал её, она пришла сама: стояла у стеклянной стены с папкой в руках, и свет ноябрьского полудня обрисовывал её силуэт, строгий, прямой, с тонкой линией плеч.

— Вы хотели что-то сказать, — произнесла она, не оборачиваясь.

— Откуда ты знаешь?

— Вы смотрели на меня на совете. Раз пять. Это всегда означает, что у вас есть что сказать после.

«Раз пять». Значит, считала.

Он закрыл дверь, прошёл к столу и остался стоять с противоположной стороны. Между ними лежала полированная поверхность из тёмного дерева: хорошая, надёжная граница.

— Совет принял гибридный вариант, — сказал Александр. — Левин получает производство. Ты — контроль. Я утверждаю.

— Я знаю. Я была там.

— Но у меня есть условие.

— Какое?

Он взял со стола лист бумаги и протянул ей. Договор. Одна страница, короткие пункты. Она взяла, пробежала глазами, и он видел, как поднимаются её брови.

— «Выездные инспекции поставщиков, — прочитала она вслух. — Витражная мастерская в Лесном, мраморный карьер под Вереском, фабрика плитки на севере. Архитектор сопровождает заказчика лично». — Она подняла глаза. — Вы серьёзно?

— Совершенно.

— Это три выезда. Каждый на сутки.

— Как минимум.

— Зачем вам я? Вы можете получить отчёты.

— Я хочу видеть то, что видишь ты. — Он ответил слишком быстро и тут же поймал себя на этом. — Это проект на девять миллионов. Я не подписываю материалы вслепую.

— Вы подписываете миллиардные сделки по трём страницам.

— Это другое.

— Чем?

— Тем, что здесь я хочу знать, что подписываю.

Она положила лист на стол и скрестила руки на груди.

— А что я получаю? Вы же не предлагаете просто так.

— Полное право решающего голоса по всем эстетическим вопросам. Без согласования с советом. Без моего вето. Ты решаешь, что красиво. Я решаю только бюджет.

Пауза была долгой. Алиса смотрела на него внимательно, как смотрят на шахматиста, в ходах которого пытаются найти ловушку.

— Вы понимаете, что это именно то, чего я просила в первый день? Ещё тогда, в холле «Белой розы».

— Понимаю.

— Тогда почему не согласились?

— Потому что тогда я ещё не видел, как ты говоришь с советом. — Он помолчал. — Я ошибался. Это бывает.

Она ничего не ответила. Только чуть наклонила голову, как делала всегда, когда что-то взвешивала. Потом сказала:

— У меня тоже есть условие.

— Слушаю.

— Никаких допросов о моей личной жизни. Ни прямых, ни скрытых. Ни «просто интересуюсь», ни «видел случайно». Если я захочу рассказать, расскажу сама.

Он принял это спокойно. Даже с облегчением. Потому что это означало: она допускает, что однажды захочет.

— Принимается, — сказал он. — Но у меня ещё одно.

— Вы сказали «условие», а не «условия».

— Считай, что поправка. — Он обошёл стол, остановился почти вплотную. — Никакой лжи. Друг другу. В рабочих вопросах. Если что-то не так, если есть проблема, если ты в чём-то не согласна, ты говоришь прямо. И я тоже.

Алиса замерла.

Она смотрела на него так, будто он произнёс слово на незнакомом языке. И он вдруг понял, что угодил в самое больное место, сам того не желая. Лжи. Слово повисло в воздухе, и она не сразу нашла, что ответить.

— Вы думаете, я лгу? — спросила она тихо.

— Я думаю, что мы оба умеем молчать так, что это почти ложь.

Она выдохнула. Медленно, будто выпускала что-то, что держала долго.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Без лжи.

Она протянула руку. Он взял её. Тёплая, сухая ладонь, тонкие пальцы. Рукопожатие вышло чуть дольше, чем следовало. Они оба заметили это и оба сделали вид, что не заметили.

Компас на запястье, под манжетой пиджака, на миг блеснул серебром.

Он ничего не сказал. Он собирался. Но слово «допросы» стояло между ними невидимой чертой, и он не пересёк её.

— Первая поездка в пятницу, — произнёс Александр. — Лесной. Выезд в семь утра.

— Я буду готова.

Она взяла папку и пошла к двери. У порога обернулась.

— Александр Игоревич. Тот человек из вашего отдела, что встречал меня на вокзале. Передайте ему, что я теперь доеду сама.

— Передам.

— И... — она на мгновение замялась, — спасибо, что позвали на совет.

Дверь закрылась мягко. Он остался стоять посреди кабинета, всё ещё чувствуя тепло её ладони.

В три часа дня на экране телефона вспыхнуло сообщение от директора по связям с общественностью:

«Александр Игоревич, подтверждаю на среду интервью для «Вереск-ТВ». Ведущая: Елена Руднева. Тема: будущее «Белой розы» и судьба наследия Вольских. Она очень просит, чтобы в кадре были вы лично. Её программа смотрят все инвесторы. Скажете «да»?»

Он смотрел на имя. Руднева. Он помнил её по паре светских вечеров: стройная, ухоженная, с холодным умным взглядом и лёгкой улыбкой человека, который всегда знает больше, чем говорит. Журналистка, ведущая вечерней программы, которую смотрели и любили. Её приглашали на каждое мероприятие города.

Он собирался отказать. Не любил интервью, не любил камеры, не любил, когда его просили говорить о наследии.

Но тут же вспомнил разговор с матерью в воскресенье. «Тебе нужно чаще появляться, дорогой, — сказала она тогда мимоходом, подливая чай. — Люди должны видеть, что семья Вольских держит слово».

Он написал: *«Да. Среда, четырнадцать часов».*

Отправил. Положил телефон на стол. Подошёл к окну.

Внизу, по набережной, шла тонкая тёмная фигурка в сером пальто. Она не оглядывалась. Шла быстро, чуть подавшись вперёд, как человек, который боится передумать.

Александр провожал её взглядом, пока она не исчезла за мостом.

«Пятница, — подумал он. — Лесной. Сутки».

Он не был уверен, что это хорошая идея. Он был уверен только в том, что не мог отказаться от неё.

Глава 8. Не называй меня своей

Алиса

Он приехал за ней сам. Это было первым, что её удивило.

В семь утра, на пустой улице Ткачей, под тонкой серой моросью, у подъезда стояла тёмная машина без водителя. Александр вышел, обошёл её, открыл пассажирскую дверь. Он был в тёплом пальто и тёмном свитере, без галстука, без привычной брони костюма, и от этого выглядел моложе и опаснее одновременно.

— Я думала, будет водитель, — сказала Алиса.

— Водитель в Лесном лишний. Дорога там не любит свидетелей.

— Что это значит?

— Это значит, что я не хочу, чтобы кто-то слышал, как я ругаюсь на серпантине.

Она невольно хмыкнула. Он не улыбнулся, но уголок его глаза дрогнул, и этого хватило.

Салон пах кожей и кофе. На торпедо стоял термос, рядом два картонных стаканчика. Он поставил один в подстаканник с её стороны.

— Чёрный, без сахара, с каплей молока, — сказал он ровно, глядя на дорогу. — Если за восемь лет не изменилось.

Алиса взяла стаканчик и ничего не ответила. Не изменилось.

— Мог бы спросить, — сказала она наконец.

— Я хотел проверить память.

— И как?

— Пока не подвела. — Он чуть повернул голову. — Но если окажется, что ты теперь пьёшь с сиропом, я решу, что восемь лет прошли зря.

— Только с корицей.

— Врёшь.

— С чего ты взял?

— Ты моргаешь, когда врёшь. Два раза подряд.

Она моргнула. Дважды. Поймала себя, нахмурилась и тут же рассмеялась: коротко, зло на самоё себя. Он улыбнулся в сторону дороги, и в этой улыбке было слишком много торжества, чтобы оставить её безнаказанной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.